

Запоздалая месть

Автор:

Наталья Солнцева

Запоздалая месть

Наталья Анатольевна Солнцева

Мистический детектив (АСТ)

Благополучную семью бизнесмена Руднева запугивают телефонными звонками. Он просит разобраться с происходящим детектива Вячеслава Смирнова. Поначалу дело кажется пустяковым.

Но во время поисков телефонного террориста мать Руднева умирает. Оказывается, полиция Москвы уже расследует серию загадочных смертей, когда жертве накануне призрак смерти вручает кольцо.

Каким образом эти события связаны со знаменитой римской отравительницей Локустой и трагической историей любви австрийского принца и графини Марии Вечера?

Наталья Солнцева

Запоздалая месть

© Н. Солнцева, 2020

© ООО «Издательство АСТ», 2020

Дорогой Читатель!

Я написала уже больше пятидесяти книг.

Каждая из них – мой шаг навстречу к вам, открытие и откровение. Я пишу о мире параллельных реальностей, с которым каждый из нас, сам того не подозревая, сталкивается практически ежедневно. Просто мы привыкли не замечать его.

В моих героях вы обязательно узнаете себя и заглянете в самые сокровенные уголки подсознания.

Быть может, это станет поворотным моментом в вашей жизни.

С любовью,

Наталья Солнцева

Глава 1

Все события и персонажи вымышлены автором.

Все совпадения случайны и непреднамеренны.

«Кто знает мрак души людской,

Ее восторги и печали?!»

(Н. Гумилев)

– Ты помнишь? – произнес безжизненный, страшный голос.

– Что? Что я должна помнить? – похолодела от ужаса Екатерина Максимовна.

В ответ из телефонной трубки раздался протяжный, тоскливый собачий вой. Так воет пес, учуявший покойника.

– Господи! Спаси, сохрани... – зашептала женщина.

В соседней комнате спал мальчик, маленький внук Екатерины Максимовны, которого она приехала нянчить. Раньше она любила смотреть, как он сопит, раскинувшись в своей кроватке, но в последнее время вид спящего ребенка наводил на нее страх. Не дай бог, с внуком что-нибудь случится по ее вине! Ведь она отвечает за Антона в отсутствие родителей.

Вообще-то Екатерина Максимовна проживала в подмосковном Абрамцево, а в Москву ее позвал сын, – преуспевающий бизнесмен. Он ни за что не хотел отдавать маленького Антона в чужие руки.

– Пусть с ребенком сидит родная бабушка, – настоял он. – Мальчик должен расти в любви и ласке.

Сам Гордей не мог похвастаться счастливым детством: пьянки отца, постоянная нехватка денег, вечно уставшая мать – какое уж тут безмятежное существование. Еще четырнадцатилетним голенастым подростком он решил, что уедет из родительского дома, начнет хорошо зарабатывать, выберется из нужды.

Екатерина Максимовна была женщиной самой обыкновенной – до пенсии проработала продавщицей в захудалых продмагах, таскала тяжести, стирала в корыте в холодных сенях деревянного дома, скребла некрашенные полы, сама рубила дрова, носила уголь, топила печку, обрабатывала огород, чтобы прокормить сына, купить ему пару обновок. Муж ей попался ленивый и пьющий, никудышный. Она привыкла считать каждую копейку, заготавливать впрок картошку и соленья, работать от темна до темна.

Видать, заслужила она такую жизнь, иначе Бог не обделил бы ее добрым, трудолюбивым мужем, радостью и достатком.

«Грех мне роптать, – думала она ночами, когда боль в спине и натруженных руках не давала уснуть. – Крыша над головой есть, здоровье не подводит, голод не угрожает. Некоторые живут еще хуже. А то, что семья не удалась, так на то Божья воля».

Годы летели, мелькали, похожие один на другой. Пришел и на ее улицу праздник – Гордей уехал в Москву, прочно встал на ноги, начал подбрасывать деньжонок, а потом и вовсе забрал мать к себе, в сияющую чистотой и дорогой мебелью квартиру. Невестка Екатерине Максимовне попалась покладистая, незлобивая, редкой красоты. Когда сын впервые привез Ирину знакомиться, мать обомлела – не ожидала увидеть такую высокую, стройную, яркую красавицу. Ей бы в сериалах играть!

Когда у молодых появился ребенок, Екатерина Максимовна пошла в церковь, накупила самых дорогих, толстых свечек и все поставила за здоровье новорожденного и его родителей. Только одну – за упокой. Эта последняя почему-то сразу погасла, зачатила сизым дымом.

– Плохая примета, – зашептались бабы за спиной Екатерины Максимовны.

Святые из всех углов глядели на нее с укоризной, осуждающе. На их суровых лицах лежали густые тени. От блеска сусальной позолоты, запаха ладана и воска закружилась голова, захотелось выйти из храма на свежий воздух.

Мелочь – а настроение испортилось надолго. Нет-нет, да и вспоминалась желтая свеча, робкий язычок пламени, который ни с того, ни с сего треснул, истончился и погас.

Когда в Москве, в квартире сына праздновали первое совместное Рождество, невестка предложила Екатерине Максимовне зажечь свечи – та отказалась. На лице Ирины застыла улыбка недоумения. Гордей поспешил сгладить неприятный инцидент – сделал все сам, пригласил к столу, открыл шампанское...

– Ты чего, мам? – спросил уже потом, пока Ирина в детской укладывала малыша.

– Нехорошо мне стало, – оправдалась она. – В голове зашумело. Возраст, сынок! Не обращай внимания.

Когда впервые раздался тот телефонный звонок, и Екатерина Максимовна взяла трубку? Она не запомнила с точностью.

– Помнишь? – без приветствия, без разных предварительных любезностей произнес холодный, безжизненный голос.

– Что? – не поняла она.

В трубке с неизбывной, саднящей тоской кто-то завыл. Собака, что ли?

Их ротвейлер Дик проснулся, наострил уши... и подхватил жуткий вой. Маленький Антон бросил свои игрушки, подбежал к бабушке, уткнулся ей в колени, заплакал. Хныканье ребенка и собачий вой привели Екатерину Максимовну в ужас.

– Господи! – испугалась женщина. – Что ж это такое творится?!

Ноги у нее подкосились, и она села в кресло, оглохшая от ударов собственного сердца. Прошло немало времени, пока она смогла пойти в кухню и выпить лекарство. Сердце утихомирилось, забилось ровнее.

– Замолчи, Дик! – прикрикнула она на собаку.

Но пес никак не мог успокоиться. Он начал метаться по квартире из угла в угол, тыкаться носом во все подряд, потом подбежал к входным дверям и заскреб по ним лапами. Пришлось угостить его кусочками свежего мяса. Только наевшись, Дик улегся на свой коврик и задремал.

Екатерина Максимовна еле дождалась с работы Ирину, сослалась на головную боль и легла. От ужина она отказалась, всю ночь глаз не сомкнула, а наутро решила обратиться к доктору. Нервы разыгрались не на шутку. Благо, всяческих платных услуг в Москве было на любой вкус. Назначенные процедуры помогли, и бабушка Антона успокоилась.

Дни пошли своим чередом. Странный звонок долго не повторялся. Женщина списала все на склероз, на усталость, на болезненное воображение. А потом... однажды вечером, спустившись во двор прогуляться с собакой, она увидела...

вернее, ей показалось, что в кустах мелькнула чья-то тень.

– Мало ли, кто может прятаться в кустах? – уговаривала себя Екатерина Максимовна. – Это снова нервы.

Однако, Дик зарычал и начал рваться с поводка. Он тянул за собой Екатерину Максимовну, как будто в этих кустах скрывалось неведомое что. С большим трудом удалось увести пса домой.

События начали набирать обороты, усложняясь и приобретая совсем уж зловещую окраску. Екатерина Максимовна терпела, сколько могла, не желая нарушать покой в семье сына, но... не выдержала и пожаловалась Гордею на то, что происходит. Он, как и ожидалось, рассмеялся.

– Да ладно тебе, мам! Небось, дети балуются. Телефонные хулиганы.

– Так ведь уже и без телефона всякого хватает. Давеча землю кто-то у дверей подъезда рассыпал...

– Мама! Кто-нибудь цветы пересаживал... а ты вообразила разные ужасы. У страха глаза велики.

– Это земля с кладбища! – твердила Екатерина Максимовна. – От нее холодом веет.

– Тебе нужно побольше отдыхать, развлекаться, – улыбнулся Гордей. – Сходи в косметический кабинет, в сауну.

– Лучше в баню, – согласилась она. – Ирина мне составит компанию?

– Вряд ли. Она уезжает на гастроли.

Екатерина Максимовна старалась не нагнетать обстановку, но постоянное напряжение сказывалось на ее здоровье. То пищеварение разладилось, то простуда прицепилась. А вскоре заболел Дик. Пес погрузился, потерял живость, интерес к еде... начал чихать и кашлять. Вызвали ветеринара – тот просмотрел собачий «паспорт», расспросил о прививках, сделал укол, выписал таблетки и

велел в случае ухудшения немедленно звонить.

- Что с ним? - спросил Гордей.

- Чумка, наверное. Надо понаблюдать. Да вы не переживайте, пес крепкий, поправится.

Екатерина Максимовна сочла это дурным предзнаменованием. И не ошиблась.

* * *

Всеслав Смирнов, частный сыщик, красивый мужчина в расцвете лет, модно и дорого одетый, нетерпеливо прохаживался по перрону. Поезд, которого он ждал, опаздывал.

Конец мая в Москве стоял теплый, дождливый. Тротуары не успевали высыхать, и в воздухе пахло влагой и цветочной пылью. Кусты сирени покрылись душистыми нежными гроздьями. По умытому небу бежали мелкие облачка. Смирнов по привычке рассматривал таких же, как он, встречающих, изнывающих от скуки. Дул легкий ветерок. Носильщики гремели своими тележками - на соседний путь прибывал другой поезд.

Всеслав встречал Еву, женщину, которую едва не потерял этим холодным мартом. Их любовная лодка выдержала сильнейший шторм, после чего Ева никак не могла прийти в себя. И он отправил ее на две недели в Крым - подышать морским воздухом, послушать набегающий шорох прибоя, отвлечься от пережитого кошмара.

Ему самому, несмотря на прошлую военно-десантную закалку, пришлось туго. Нервное напряжение давало о себе знать бессонницей, безотчетной тревогой. Им обоим требовался отдых, но в Крым поехала только Ева.

- Я хочу побыть наедине с собой, - сказала она. - Побродить по старым приморским улочкам, посидеть у моря. Буду пить кофе по-турецки и курить кальян.

Смирнов не стал возражать. Ева лучше знает, как установить равновесие в своей душе. В первый же день после ее отъезда он уже сожалел, что отпустил ее одну. Слоняясь по опустевшей квартире, из комнаты в комнату, он понял, как они необходимы друг другу. Ему не хватало Евы – ее голоса по утрам, ее примерок у зеркала, приготовленных ею кулинарных шедевров, ее бурных фантазий, возмущенных монологов, ее капризов. В ее отсутствие Всеслав не мог заниматься даже сыском – интеллектуальные головоломки потеряли всю свою привлекательность. Он брался только за те дела, которые могли увлечь его замысловатой интригой, дать пищу его избалованному уму. Он рассматривал внешнюю сторону мира, а Ева – внутреннюю. Ее подсказки проявляли глубоко скрытые связи, которые не отследить обычным способом. По профессии Ева была преподавателем испанского языка, а по призванию – тонким наблюдателем. Гораздо более проницательным, чем сам Смирнов.

Итак, он занимался частными расследованиями, а Ева давала частные уроки испанского. Она разделяла интерес Всеслава и частенько заполняла своими догадками пробелы в его умозаключениях. Однажды встретившись на его пути, она заполнила пустоту в его сердце, стала неотъемлемой частью его жизни.

И вот теперь поезд, который вез ее из Крыма, подходил к перрону вокзала. Ветер нес за ним кислотоватый запах железнодорожной пыли. Состав замедлял ход, вагоны проплывали мимо Смирнова – второй, третий... в пятом ехала Ева. Он пошел следом, пытаясь рассмотреть ее через забрызганные дождем окна. Видимо, где-то под Москвой пронесся ливень. Усталая проводница открыла дверь, протерла поручни, в тамбуре столпились пассажиры. Люди улыбались, махали друг другу руками...

– Ева! – совершенно не ожидая от себя подобной прыти, волнуясь, как мальчишка, крикнул сыщик. – Ева!

Он увидел ее, в светлой курточке, с рассыпавшимися в беспорядке волосами, и задохнулся от счастья. Она спустилась с железных ступенек вагона, как богиня с небес – к нему, простому смертному, взяла у него из рук букет ландышей.

– Я скучал по тебе, – прошептал Всеслав.

Они обнялись. Стояли, не замечая, как их толкают. Носильщики и таксисты наперебой предлагали свои услуги. Толпа обтекала эту живую скульптуру

«Двое», ожидающую своего Родена, готового увековечить для потомков их любовных порыв. Запах ландышей мешался с запахами вокзала – дыма, поездов, мокрых платформ.

– Ночью была гроза, как в преисподней! – засмеялась Ева, глядя на Славку снизу вверх. – Я не могла уснуть.

– Я тоже...

Они пошли к машине – Смирнов одной рукой крепко прижимал к себе локоть Евы, в другой нес ее сумку.

– Как море? – спросил он просто так, чтобы услышать ее голос.

– Холодное...

Слова были лишними.

Домой ехали долго, по запруженным автомобилями улицам. Промытая дождями зелень светилась на солнце, яркая на фоне каменных фасадов домов. Шум города казался Еве оглушительным после тишины Крыма, нарушаемой лишь размеренным плеском волн, криками чаек.

– Хорошо отдохнула? – спросил Всеслав, сворачивая во двор.

Ева кивнула. Она привыкала к Москве и радости возвращения. У дома цвели кусты белой сирени, со старых акаций ветер сбивал сухие прошлогодние стручки, они шуршали под ногами. Все это было связано с новой волной жизни, с новыми чувствами, новой листвой, свежим весенним ветром, запахом дождя, новыми ожиданиями.

Мальчишки гоняли мяч по мокрой траве. Соседский пес благодушно наблюдал за ними. Синицы с желтыми грудками сидели на ветках акации, звонко перекликались. И городская суэта имеет свои прелести!

Ева легко вздохнула, переступая порог квартиры, где все знакомо, привычно, – уютная гостиная, кабинет, спальня... Крым остался позади, как смутный сон о

кипарисах и восточных дворцах.

– Я ездила в Бахчисарай, – рассказывала Ева за едой. – Видела «фонтан слез». Пыталась представить себя обитательницей гарема.

– Ну и как? Получилось?

– Нет, – с сожалением вздохнула она. – Видимо, я безнадежно строптива. Мне даже вообразить такое не удалось!

Она улыбалась, вспоминая, как заворожил ее голос муллы, раздавшийся с минарета дворцовой мечети и сразу погрузивший в прошлое – из остроконечных каминных труб ханских покоев потянуло дымком, внутренний двор наполнился снующей челядью, звуками стародавней жизни... за окном гарема мелькнуло не прикрытое чадрой прекрасное и печальное женское лицо...

– Знаешь, что мне пришло в голову, когда я смотрела на эти потускневшие от времени стены, выцветшие ковры и парчовые подушки, на круглую крышу дюрбе[1 - Дюрбе – мавзолей на ханском кладбище.], куда можно заглянуть только через пыльные зарешеченные окошки? Строка забытого стихотворения: «Здесь жизнь владык земных витала...» Боже мой! Люди так стремятся к власти, а ведь она иллюзорна и быстро обращается в прах. Бахчисарайский дворец на самом деле знаменит не именами проживавших в нем правителей, а поэтической историей любви Кырым-Гирей-хана и его безвременно умершей жены Диляры-Бикеч. В память о ней и был сооружен фонтан Сельсебиль... где из чаши в чашу вечно каплют слезы безутешного, тоскующего возлюбленного.

– Сельсебиль?

– Ну, да! – пояснила Ева. – Сельсебиль – один из райских источников, откуда пьют души праведников. Мусульмане в это верят.

В гостиной потемнело. Через раскрытое окно слышно было, как пошел дождь.

– Ты взялся за какое-нибудь дело? – опустив глаза, поинтересовалась Ева.

Всеслав с усилием кивнул. После тех страшных дней, когда ее похитили, он дал себе клятву не вмешивать Еву в свои расследования. Не женское это занятие – частный сыск.

– Расскажешь?

– Ничего особенного, – пробормотал он. – На сей раз решил побаловаться простенькой задачей, отдохнуть от интеллектуальных изысков. А когда ты вернешься к урокам испанского? Тебе звонили две женщины, желающие освоить язык.

– Не уходи от вопроса, – рассердилась Ева. – При чем тут мои уроки?

Смирнов так соскучился по их совместным обсуждениям и горячим спорам, что не выдержал и нарушил табу. Тем более, дело действительно было простое, за которое раньше он не взялся бы ни за какое вознаграждение. Не будет беды, если он поделится с Евой подробностями начатого расследования.

– Ладно, уговорила...

Она просияла, подперла рукой щеку, приготовилась слушать.

– Неделю назад обратился ко мне некий Гордей Иванович Руднев, владелец строительной фирмы «Маркус». Бизнес у него вполне легальный, поставлен крепко, основательно, с хорошей перспективой развития. Есть конкуренты, разумеется, но все держится в цивилизованных рамках – то есть ни откровенных угроз, ни «наездов», ни чьего-либо давления с целью прибрать к рукам фирму не было. Руднев любит свою работу – по образованию он архитектор, – обладает коммерческой жилкой, здоровым азартом и деловой хваткой, поэтому фирма процветает. Доходы растут, от клиентов нет отбоя – словом, тут все в порядке. Личная жизнь Гордея Ивановича тоже сложилась прекрасно: пять лет назад он женился, с женой Ириной живет душа в душу, воспитывает сына. Мальчику уже исполнилось три с половиной годика.

– Жена сидит дома с ребенком? – уточнила Ева.

– Нет. Ирина Руднева – балетная танцовщица, до замужества работала по контракту в ансамбле «Фуэте». Танцовщиц приглашали на выступление в ночной клуб, где Руднев и познакомился с Ириной. Одним из условий вступления в брак она поставила свое право продолжать танцевать. Руднев, тогда еще жених, согласился. Впоследствии он неоднократно уговаривал жену отказаться от работы, связанной с репетициями, разъездами, и, главное, с легкомысленной богемной средой. Ирина возражала, и супруг смирился. Его желание исполнилось самым естественным способом – беременностью, роды и уход за ребенком прервали танцевальную карьеру Ирины. Когда мальчику исполнился год, Руднева принялась восстанавливать потерянную форму и заявила, что собирается возобновить работу в «Фуэте». Гордей Иванович, который уже успокоился, был шокирован, занервничал. Но перечить любимой жене не посмел. Встал вопрос о ребенке – кто с ним будет сидеть? Няня? Доверять годовалого мальчика чужому человеку не хотелось, и Руднев решил вызвать в Москву свою мать. Она давно развелась с отцом, проживала одна в подмосковном Абрамцево, и с радостью откликнулась на просьбу сына. Маленький Антон является ее единственным внуком, она сочла за счастье нянчить малыша.

– Так в чем же суть проблемы?

Еву утомили подробности частной жизни Руднева, она жаждала приключений, тайны. Крымский воздух, синий морской простор усыпили ее страхи, от которых она едва оправилась. Она снова была готова мыслить, проникаться чужими страстями, распутывать клубки противоречий.

– Знаю, дорогая, что тебе хочется услышать, – усмехнулся Смирнов. – Боюсь, ты разочаруешься. Гордей Иванович обратился ко мне по весьма тривиальному поводу – хулиганство.

– В каком смысле?

– Понимаешь, Руднев целый день проводит на работе, его жена – в танцзале или на гастролях. Она возобновила контракт с «Фуэте», уже второй год, как на сцене. Поначалу все шло гладко – бабушка возилась с внуком, Рудневы работали, и вдруг на их безоблачном небосклоне появились тучки. Кто-то принялся терроризировать счастливую семью самым бессовестным, наглым образом. Причем не конкретно Гордея Ивановича или Ирину, а... бабушку.

- То есть как - бабушку? - округлила глаза Ева.

- Я тоже удивился, - кивнул сыщик. - Тем не менее, некто неизвестный - назовем его условно Икс, - постоянно тревожит пожилую даму, когда она остается одна с ребенком: звонит, устраивает разные мелкие пакости. В общем, основательно и целенаправленно действует на нервы, которые у матери Руднева не железные. Сначала бабушка молчала, не желая понапрасну беспокоить сына и невестку, но потом не выдержала и пожаловалась. Она волновалась не столько за себя, сколько за маленького Антона.

- А что Руднев, не в состоянии нанять охранника для своей семьи?

- Разумеется, в состоянии, и давно это сделал.

- Не помогло? - спросила Ева.

Смирнов отрицательно покачал головой.

- Видишь ли, охранник присутствует в квартире и создает этим дополнительные неудобства. Сама посуди, каково бы тебе было, посади я здесь постороннего человека? Как бы ты себя чувствовала?

- Скванно...

- То же и у Рудневых. Далее - охранник сопровождает бабушку и внука на прогулках, открывает дверь посетителям, отвечает на телефонные звонки и тому подобное. Но существенно на ситуацию повлиять не может. На его подопечных никто открыто не нападает, а хулиганские действия он предотвратить не в силах. Скажу сразу, в полицию Руднев не обращался, прекрасно отдавая себе отчет: такой мелочевкой никто заниматься не будет. Похихикают, разведут руками, и все.

- Но какие-то меры принять надо? - возмутилась Ева.

- Приняли. Телефон поставили на прослушку, резко ограничили посещения друзей и знакомых... а что еще предпримешь? Однако, этот Икс не дурак - звонки делает короткие, использует устройство для искажения голоса: сейчас

таких штучек навалом. Все это безобразие длится уже около полугода и привело к тому, что мать Руднева заболела на нервной почве.

- Да... с появлением бабушки действия Икса не свяжешь - она сидит с мальчиком больше двух лет, а неприятности начались, как я понимаю, полгода назад?

Всеслав кивнул.

- Вот Руднев и пришел ко мне, просит разобраться. Гонорар предложил солидный, не поскупился. Ему не до шуток! Мать слегла, жена в истерике...

- А что делает этот Икс? - поинтересовалась Ева. - Чем он их дразнит?

- Гордей Иванович обрисовал мне положение в двух словах, но ты знаешь, я предпочитаю информацию из первых уст. Поэтому еду сегодня к матери Руднева. Тебя не возьму! - решительно заявил он, заметив азартный блеск в глазах Евы. - И не проси!

Глава 2

Подполковник Межинов отпустил служебную машину и отправился покупать цветы. С выбором букета для Карины у него всегда возникали затруднения - необычная женщина требует необычного подхода, будь то цветы, духи, другие подарки, угощение или комплименты. Ухаживать за Кариной было мучительно, но так сладко, что Межинов давно перестал колебаться, нужно ли ему все это.

Он влюбился в Карину еще в ранней юности, когда был красивым, самоуверенным подростком с великолепно развитым, накачанным на тренировках телом, пользовался авторитетом среди уличных ребят и не забивал себе голову лишними проблемами. Все в его жизни складывалось предельно просто - школа, клуб единоборств, армия, служба в полиции, учеба в академии, женитьба. И только Карина не вписывалась в стройную линию его судьбы, заставляла метаться, отчаиваться, то проклинать все на свете, то обмирать от счастья... желать свободы и бояться ее.

– Выбрали что-нибудь? – спросила продавщица цветочного магазина, заглядевшись на представительного мужчину.

– Мне нужен оригинальный, дорогой букет, – сказал он.

Продавщица задумалась.

– Вот, этот подойдет! – улыбнулась она, показывая покупателю композицию из белых голландских тюльпанов и какой-то экзотической зелени.

«Карине понравится», – сразу решил Межинов.

Он вышел из магазина с букетом и увидел, как дама его сердца спускается в подземный переход на другой стороне улицы. Он узнавал ее в любой толпе, в любых условиях, днем и ночью, зимой и летом, в любой одежде и прическе, в темных очках – где угодно и при каких угодно обстоятельствах. Он не спутал бы ее с сотней двойников: он ее чувствовал, и это происходило независимо от слуха и зрения.

Как ни стыдно признаться – он мог, погрузившись в размышления, пройти на улице среди бела дня мимо своей жены Светы и не заметить ее. Но если бы мимо проходила Карина, он ощутил бы ее присутствие, приближение по удару неведомой энергии, толчком проникающей в его сердце при ее появлении. Почему это происходило с ним, Межинов не знал, но зато с течением лет он понял, что бессилён изменить свое чувство к Карине. Женился он от безысходности. С Кариной у него не складывалось, порой ее жестокое равнодушие отталкивало, но проходили месяцы, и Межинов снова ловил себя на мыслях о ней. Семейная жизнь со Светланой шла своим чередом, как будто не соприкасаясь с любовной драмой Межинова. Это были два разных существования, в которых он играл две разных роли.

– Здравствуй, – холодно-важно произнесла Карина, приблизившись к подполковнику. – Ты в форме? По какому случаю?

– Не успел переодеться. А ты с каждым днем становишься все красивее и красивее.

– Ты в своем репертуаре, Рудольф!

Она не улыбнулась неуклюжему комплименту, и Межинов растерялся. Он допустил очередной промах. Резануло слух это «Рудольф»: чуть ли не Адольф! Столь звучным именем он был обязан матери, обожавшей все редкое. Она сочла, что Рудольфов, как ни крути, меньше, чем Вовочек и Толиков, и оказалась права. В школе он был единственным Рудольфом, но благодарности к заботливой родительнице почему-то не испытывал. Друзья, сослуживцы и просто знакомые называли его Рудольфом Петровичем – при отчестве имя звучало не так вызывающе, одна Карина подчеркнуто величала Рудольфом.

– Тебе не стоит стесняться своего имени, – говорила она. – Слово «Рудольф» имеет германские корни, кажется, и означает «славный волк». Разве ты не похож на волка, Межинов?

Она смотрела в самую суть Межинова: в глубине души он ощущал себя волком, а ее – волчицей. В каких-то вещах они стояли друг друга.

Карине исполнилось тридцать два года, ему – тридцать пять. Она была независимой, непостижимой, очень красивой незамужней женщиной. Супружеские узы ее не прельщали.

– Скоро пойдет дождь, – сказал подполковник. – Посидим в кафе?

Она неопределенно повела плечами – в кафе, так в кафе.

Для встреч с Кариной Межинов облюбовал кафе «Ивушка», оно располагалось в тихом уголке города, и при непритязательном названии там был изысканный интерьер, быстрое, вежливое обслуживание, вкусная русская кухня. Карина называла это кафе «дворянским гнездом». Внутри оно смахивало на уютную столовую в дворянском доме: окна, выходящие в запущенный сад, старые портреты в багетовых рамах, горки с выставленным напоказ фарфором, кисейные занавеси, белоснежные скатерти, мягкие стулья. Кушанья и напитки подавали, приготовленные по старинным рецептам, – грибы в сметане, пироги с лососиной и палтусом, монастырскую водку, клюквенную настойку.

Межинов любил хорошо поесть; Карина в еде была непривередлива, но внутреннее убранство зала ей нравилось. Она с удовольствием ходила в

«Ивушку».

– Зачем ты меня пригласил сюда? – безжалостно спросила Карина, когда подполковник сделал заказ.

– Хотел увидеть, поговорить.

– О чем?

Она ставила его в тупик своей прямоотой. И вместе с тем в ней всегда текла какая-то скрытая жизнь, где Рудольфу не было места.

– О тебе... – пробормотал он. – О нас.

– Ужасно интересно!

Официантка принесла вазу с водой для цветов. Карина поставила тюльпаны и залюбовалась ими. Все вокруг для нее исчезло.

– Неужели, для тебя не имеет значения личное счастье?! – в отчаянии воскликнул Межинов, ревнуя ее к тюльпанам.

– Не задавай глупых вопросов, Рудольф.

– Но... скажи честно, у тебя есть мужчина?

– Я никогда не скрывала правды, – подняла на него смоляные глаза Карина. – У меня есть мужчина. И всегда был.

При ее волосах с естественным пепельным отливом черные глаза, ресницы и брови создавали неповторимое очарование. Он ни у кого не видел такого лица.

– Почему он не женится на тебе? Не хочет?

– А зачем? Разве брак и любовь одно и то же? Вот ты, например, женился. Что, счастлив?

– Ты знаешь, как я женился, – занервничал Межинов, хотя давал себе слово сохранять хладнокровие. – Думал, заживу с другой женщиной, забуду о тебе! Время лечит любые раны.

– Ну и как? Вылечился?

Официантка принесла заказ, – грибное ассорти, лосося в тесте, и тем спасла подполковника от конфуза. Он налил себе и даме белого вина в высокие бокалы.

– Давай выпьем, Карина... за то, что нас связывает. Ей-богу, пытаюсь разгадать эту загадку с молодых ногтей, а она не дается!

– Разгадка бывает ужасна... Выпьем!

Она занялась лососем, а Межинов заказал себе водки. При Карине он не опьянеет, как ни старайся. Возможно, потом, когда он придет домой, алкоголь выполнит свое предназначение.

– Ты ведьма, – неожиданно выпалил подполковник. – Что ты со мной сделала? Любовным зельем опоила?

Она рассмеялась – без злобы, искренне. Начала расспрашивать о семье.

– Как Светлана?

Рудольф Петрович отделялся общими фразами. Когда он сидел рядом с Кариной, она становилась единственной женщиной на земле. Светлана? Живет... что ей сделается? Работает по специальности: аккомпаниатором в доме культуры, ведет хор.

Жена Межинова окончила пединститут, музыкальный факультет по классу аккордеона. Они жили более-менее мирно, воспитывали ребенка – мальчика.

– Сколько лет твоему сыну? – спросила Карина.

– Восемь... какое это имеет значение? Я хочу поговорить о нас с тобой.

– У тебя семья, Рудольф! Жена, сын! Они нуждаются в любви и заботе.

Она говорила заученно, не вкладывая в слова ничего личного. Без упрёка, без претензий. Как он ненавидел эту ее отстраненность, умение оставаться на другом берегу!

– Я тебя ненавижу, – выдохнул подполковник.

– Вот и славно... давно пора.

Межинов до назначения на новую должность в управлении, работал не где-нибудь, а в уголовном розыске, но все его попытки проследить, с кем встречается Карина, кто ее возлюбленный, окончились неудачей. Он не смел признаться в том, что следил за ней – правда, от случая к случаю. Значит, неуловимый любовник тщательно скрывает свою связь с Кариной. Видимо, женат, боится огласки, скандала... или он известный политик, и не желает запятнать «безупречную» репутацию. Или... Сколько он перебрал этих «или»!

– О чем ты думаешь? – спросила вдруг Карина, ковыряя вилкой грибы. – Строишь планы разоблачения?

– Угадала.

* * *

Рудневы жили в просторной, со вкусом обставленной квартире. На стенах Смирнов заметил несколько прелестных пейзажей в духе Куинджи.

Мать Руднева, Екатерина Максимовна, полная дама лет шестидесяти с бледным одутловатым лицом, приняла сыщика полулежа на диване. Она казалась расстроенной, и глаза ее были полны готовых пролиться слез.

– Вот, расхворалась некстати, – пожаловалась она, тяжело вздыхая. Беспокойно спросила: – Антоша где? С Ирочкой?

– Антон с Ириной вышли на прогулку, – ответил Всеслав. – А мы с вами поговорим, если не возражаете.

– Сын мне велел все рассказать, как на духу, – слезливо промолвила пожилая дама. – Я ничего не скрываю, поверьте. Что за напасть приключилась, не пойму! Было все тихо, спокойно, и вдруг... будто нечистый взыграл. Замучил совсем! У меня и так здоровье не ахти какое крепкое, а тут прямо впору помирать... в груди душит, жжет... голова кружится. Видать, давление подпрыгнуло.

– Вспомните, пожалуйста, как это все началось, – вежливо перебил ее Смирнов.

Он по опыту знал, что пожилой человек может рассказывать о своих болезнях до бесконечности, если его не остановить.

– Так... я ж переживала сколько, нервничала... сердце-то и надорвалось. Оно, чай, не железное!

– Я не об этом, – улыбнулся сыщик. – Я о «нечистом». Откуда он взялся? Как дал знать о себе?

Мать Руднева всплеснула руками.

– Ой, вы меня простите, молодой человек, не сообразила. Мозги уже не те стали, склероз... Кажись, еще зимой начала всякая чертовщина твориться. Сын с невесткой на работу уходят, а я с мальчонкой остаюсь, с Антошей. Покормлю его, поиграем, потом на прогулку выйдем с санками. Он дите смирное, послушное – любо-дорого нянчить такого. Ну, вот... как-то мы с Антошей кашку кушали... и телефон зазвонил. Я всегда отвечаю: «Квартира Рудневых». И в тот раз то же сказала. А мне говорят в трубку – выходи, мол, на улицу... здесь тебя смерть поджидает. Какая, спрашиваю, смерть? Страшная! – отвечает голос: скрипучий такой, неприятный.

– Женский или мужской?

– Разве разберешь? Неживой голос... Я рассердилась. Прекратите хулиганить! – говорю. Голос смеется. Иди, иди! – прокаркал. – Тут за углом машина стоит, она на вас с мальчишкой и наедет, только мокрое место останется. Я не поверила.

Тогда он говорит, – выгляни с балкона, старуха безмозглая! Я на балкон... свесилась, гляжу... и правда из-за угла нос какой-то машины торчит. У меня в груди будто лед застыл со страху! Гулять мы с Антошей в тот день не пошли. Звонков больше не было, и я решила сыну ничего не говорить. Подумает, бабка из ума выживает, мерещится ей всякое. Но про машину спросила все же, не выдержала. Оказалось, это сосед наш иногда за углом, на площадке, машину оставляет. Я и успокоилась. Решила, дети фильмов по телевизору насмотрелись, балуются. На какое-то время наступило затишье.

– Сколько, примерно, вас не тревожили? – уточнил Смирнов.

– Недели две... А потом опять позвонили, тот же голос. У вас, мол вся квартира «жучками» напичкана, все, чем вы занимаетесь, о чем разговариваете – прослушивается. Мы давай искать! Гордей специалистов вызывал – мебель, стены, балкон, даже ванную и туалет проверили. Ничего. Гляжу, он на меня коситься стал... мол, выдумывает бабка, без повода переполох устроила. Здоровьем моим стал интересоваться, обследование предлагать в частной клинике. Я и задумалась: может, у меня и в самом деле с головой неполадок? Решила молчать.

– После случая с «жучками» опять наступило затишье?

Екатерина Максимовна кивнула.

– Ага. Полмесяца прожили без волнений. С телефоном сын устроил так, чтобы звонки записывались. Он и попался, голос-то! Я трубку взяла, а он говорит: «У вас в квартире появился бразильский ядовитый паук! Он вас ночью перекусает. Бананы покупали? Так паук с ними и прибыл». Я к холодильнику, а там и правда бананы. Сын покупал. Давай я все вытаскивать, перетряхивать... оглядываюсь, как ненормальная, всюду мне пауки показываются. Кое-как дождалась вечера, обыскали квартиру... поймали нескольких пауков. Только мы в них не смыслим ни черта! Повез Гордей их к ученому человеку, тот посмотрел, посмеялся над сыном... и посоветовал меньше пить. Ему еще не приходилось слышать, чтобы бразильский паук, дескать, попал в московскую квартиру. Хотя исключить подобное нельзя.

– В общем, расстраиваться пока нечего, – усмехнулся Всеслав. – Пауки, «жучки» и прочее – это шутки. Кто-то имеет зуб или на вашу семью, или на одного из вас.

– Может, и шутки... но мне не до смеха, – всплакнула Екатерина Максимовна. – Я ни спать, ни есть спокойно не могу, от каждого звонка дергаюсь, от каждой машины на улице шарахаюсь. Антошенька тоже нервный стал, плачет по ночам. Гулять мы теперь без охранника – ни ногой. Куда такая жизнь годится?

– А раньше вы одни с внуком гуляли?

– У нас собака жила, здоровенный ротвейлер, Дик. С ним было не страшно.

– Где он сейчас? Отдали?

– Сдох... в феврале.

– Заболел? – насторожился сыщик. – Или от старости?

– Какая старость? Ему всего четыре года исполнилось. Заболел... чахнул, чахнул... слюна из пасти текла, задыхался. Чумка, наверное. Хотя ему все положенные прививки делали.

– Ветеринара вызывали?

– Два раза, – вздохнула мать Руднева. – Он так ничего и не понял. Сначала обнадежил нас – если собака привитая, она чумкой переболеет в легкой форме. Но Дик не выздоровел. Жалко пса! Потом звонок был по телефону – мол, сдохнете, как ваш ротвейлер. Получается, этот голос... он следит за нами? Откуда ему знать про Дика?

– Есть еще во дворе собаки? – спросил Смирнов.

– Есть... у соседей наверху, на пятом этаже колли тоже издохла, сразу за Диком. И кошка у дворничихи... Похоже на эпидемию. А пудель у женщины с седьмого этажа живой, потому что она к дочери ездила и его с собой брала. Не заразился, значит.

Мор, постигший животных, произвел на Всеслава плохое впечатление.

– Еще звонки были?

– А как же, – закашлялась пожилая дама. – Голос заявил, что наша еда отравлена, и что мы скоро последуем за Диком. С тех пор сын перестал поручать кому-либо покупать продукты и заказывать на дом – все приобретает сам лично. Но мы продолжаем бояться. У Антоши давеча животик заболел, так Ирина чуть с ума не сошла! Слава Богу, ребенок поправился. Не успели дух перевести, вчера у нас очередное происшествие приключилось: катафалк приехал. Кто-то его заказал.

– Мрачная шутка, – Всеслав помолчал. – У вас есть загородный дом? Я имею в виду у Гордея Ивановича.

– Конечно, сын еще до женитьбы коттедж построил в Хотьково, на берегу реки. Мечтал на рыбалку туда ездить с ночевкой, но с его работой никуда не вырвешься – день и ночь крутится, как белка в колесе. А дом хороший, с удобствами, с камином.

– Может быть, вам туда переехать на лето? – предложил сыщик.

– Не-е-ет! – возразила Екатерина Максимовна. – Там со страху свихнешься. Тут хоть люди кругом – за стенами, сверху, снизу на этажах. Ирочка и Гордей рядом. А за городом, на отшибе, все равно что в лесу: кричи, не кричи, никто на помощь не придет.

– Возьмете с собой охрану.

Мать Руднева не соглашалась.

– Здесь в городе мы все вместе, а там... Не поеду я! Боюсь.

Смирнов вышел от Екатерины Максимовны с тяжелым сердцем. Хулиганские выходки неизвестного показались ему зловещими и отнюдь не безобидными.

Руднев ждал сыщика в кухне, за накрытым на скорую руку столом.

– Перекусить не желаете?

Смирнов сел, в задумчивости окинул взглядом бутылку водки, мясную нарезку, овощи. В желудке появилась холодная пустота, есть захотелось. Отчего-то в голову пришел покойный Дик...

– Спасибо, я на работе, – отказался сыщик. – А вы закусывайте, заодно и поболтаем.

– Со вчерашнего дня ничего в горло не лезет, после Ириной истерики, – махнул рукой бизнесмен. – Первый раз серьезно повздорили. Семейная ссора! Впрочем, это мелочи. Вы поговорили с моей матерью? Каков будет вердикт?

– Выводы делать рано. У вас есть мнение по этому поводу? Кто может вас ненавидеть?

– Недоброжелателей хватает. Но способ выбрали странный – звонить и выдумывать разные глупости. На женщин подействовало! Мать слегла, а Ирина заявила, что я пренебрегаю долгом мужа, отца и не в состоянии обеспечить семье безопасность.

– Вы полагаете, им что-то реально угрожает? – сделал удивленный вид Всеслав.

– Нервный срыв. До сих пор ведь никто физически не пострадал. Телефонные выдумки не оправдались. Обычное хулиганство!

Руднев налил себе водки, выпил. На его лице отражалась растерянность. Конкретно он никого не подозревал. И почему звонят не ему, не Ирине, а матери? Может, просто совпадение? Он высказал свои мысли вслух.

Сыщик пожал плечами.

– Злоумышленник нашел слабое звено – пожилую женщину, на которую легче всего воздействовать, – предположил он. – Непонятно, какая цель преследуется? Отравить вам существование? Или кое-что посерьезнее?

– Ума не приложу, кто это может быть? Ярых врагов у меня нет. Конкуренты? Те используют совершенно другие методы.

- Значит, с бизнесом вы телефонный террор не связываете?

- Нет, - решительно ответил Руднев.

- Мне нужно будет еще раз поговорить с вашей матерью.

- Ради Бога, сколько угодно - и с матерью, и с женой, и с охранником! С кем пожелаете. Я тоже в любое время к вашим услугам.

Хлопнула входная дверь - это вернулись с прогулки Ирина, ребенок и высокий парень в спортивном костюме.

- Как зовут телохранителя? - спросил Смирнов.

- Валентин Дудин. Он работает у меня в охране семь лет, с самого основания «Маркуса».

- Вы ему доверяете?

- Как себе.

- Дайте мне адрес ветеринара, который лечил вашего ротвейлера Дика.

Гордей Иванович с недоумением уставился на Смирнова.

Глава 3

Светлана жарила картошку, когда пришел муж.

- Это ты? - спросила она, выглядывая в коридор. - Почему так поздно?

- На работе задержался.

Она промолчала. Поверила? Какая разница?

Межинов всю дорогу думал о своих сложных, запутанных отношениях с Кариной. В юности он ее боготворил, потом проклинал, когда она предала его. Впрочем, предала – громко сказано. Карина его никогда не обнадеживала, но и не прогоняла. Ему казалось, он сумел покорить ее сердце, и вдруг все обрывалось. Боль застилала сознание, толкала на опрометчивые решения. Потом его опять начинало тянуть к Карине.

Он вспомнил, как уходил в армию. Карина не пришла его проводить, не обещала ждать, а он не мог думать ни о ком, кроме нее. Светлана была рядом, обнимала, писала письма долгие два года, приезжала повидаться. А он мучился от того, что хотел спросить о Карине, и сдерживался. Она не прислала ему ни одного письма... только его родители изредка сообщали, как она живет.

Отслужив во внутренних войсках, он вернулся домой. Как сладостно, до дрожи во всем теле, представлялась встреча с Кариной! Рудольф с ужасом почувствовал влагу на ресницах при виде березы, на которой они теплым лунным вечером выцарапали две буквы – К и Р. Если он готов расплакаться, глядя на эту березу, то что с ним будет, когда он увидит Карину?

Вечером родители устроили застолье по поводу возвращения сына из армии. Карина не пришла. Светлана льнула к Рудольфу, таяла от любви. Парень он был хоть куда, а она – обыкновенная девчонка: не уродина, но и не красавица. От злости Межинов напился, крепко прижимал к себе девушку, целовал, кружил в танце. Подхватил на руки при всех, назвал своей. Светлана заслужила – осталась верной, дождалась солдата.

Ночь они провели вместе, и Рудольф пообещал жениться. Сказано – сделано. Насчет будущего Межинов определился: пойдет работать в милицию, будет учиться. Так началась его карьера. О Карине он забыл.

Однажды в кафе они случайно столкнулись, ее щеки вспыхнули, глаза заблестели, и... Рудольф почувствовал, как падает в бездну – стремительно, неостановимо. Карина затмила для него белый свет, заставила потерять голову. Стояло сухое, солнечное лето. Родители готовились к его свадьбе со Светланой, а он ночью выпрыгивал в окно и бегал на свидания к другой. Встречаясь днем с невестой, прятал глаза, отвечал невпопад. Карина снова завладела его душой и

царила в ней безраздельно.

- Ты женишься? - спросила она его невзначай, когда они под утро прощались под той самой березой с выцарапанными на коре буквами.

Он кивнул.

- На Светке?

- Ага.

«О чем мы говорим?! - хотелось крикнуть Рудольфу. - Опомнись! Еще не поздно все отменить. Скажи только одно слово, и я у твоих ног!»

- Правильно делаешь, - сказала Карина, вопреки его ожиданиям. - Она будет тебе хорошей женой! Ладно, пока...

Тарелка с жареной картошкой вернула Межинова из прошлого. Светлана со стуком поставила ее перед мужем, села напротив.

- Ешь.

- Не хочется...

- Ты не голоден?

- Просто устал.

Из таких коротких, пустых фраз состояло их общение.

- А Витька где? - спросил он, пытаясь заполнить эту зияющую пустоту.

- Спит.

Больше спрашивать было не о чем. Хотя... как же! А работа? Благодатная тема для душевной беседы.

– Как дела на работе? – спросил Рудольф Петрович, понимая, что его тошнит от самого себя.

– Нормально.

Все. Между ними опять повисла пауза. Не в силах выносить этого, Межинов шумно встал, отправился в ванную. Стоя под горячим душем, он предался мыслям о Карине. Так бы и стоял здесь целую вечность, думал о ней...

– Затмение мое! – прошептал Межинов, закрыв глаза. – Болезнь моя! Горькая моя отрада!

Когда бы он ни опустил веки, перед внутренним взором неизменно появлялась она.

– Ты скоро? – постучала в дверь Светлана. – Я стирку запустить хочу.

Глухое раздражение волной поднялось в Межинове. Он глубоко вдохнул, медленно выдыхал, считая, – десять, девять, восемь...

– Сериал скоро начнется! – повысила голос за дверью жена. – Мне нужно успеть.

Рудольф Петрович ненавидел «мыльные оперы».

– Семь... шесть...

– С тобой все в порядке? – крикнула Светлана.

Если бы в руках у Межинова оказался тяжелый предмет, он бы запустил его в дверь с силой, равной его бешенству.

– Пять... четыре... Какая пытка жить с нелюбимой женщиной! – заскрипел он зубами. – Какая бессмыслица! Три... два...

– Ты жив? – испугалась жена. – Эй! Что с тобой?

«Она не виновата в моей любви к Карине, – твердил Рудольф Петрович. – Не виновата!»

– Сейчас выхожу, – громко произнес он и выключил воду. – Одну секунду.

Взглянул на себя в зеркало – и ужаснулся. С таким лицом выходить не стоит. Он с трудом выдавил вялую улыбку, открыл дверь.

Светлана принялась объяснять, что хочет включить стиральную машину до того, как начнется очередная серия очередной «любви по-итальянски». Межинов, не слушая, прошел в спальню, лег и уставился в потолок. Перед ним возник образ Карины – такой, как сегодня, во время их встречи. У нее был дар причесаться, подкраситься и одеться так, что... это не поддавалось описанию. Волосы, слегка вьющиеся от природы, Карина почти не укладывала – они были ровно подстрижены и рассыпались естественно, пышными локонами с оттенком серебра; одежду носила облегающую, элегантную, пастельных тонов; обувь – изысканную, на среднем каблуке, подчеркивающую стройность ее ног. Сколько все это стоило, оставалось только догадываться. Межинов примерно прикидывал – на его зарплату подобных шмоток не купишь. Он знал, где и кем работает Карина: там столько не платят. У родителей Карина принципиально денег не брала. Выходит... ей, не скупясь, подбрасывает любовник? Когда же он появился? Когда Карина начала тратить больше, чем зарабатывала? Примерно... лет шесть назад. Дьявольщина! Он отменно маскируется, этот тип. Когда, где он встречается с Кариной? Куда она ходит к нему на свидания? Или это он приходит к ней под покровом ночи?

Несколько раз Межинов, не решаясь обратиться к подчиненным с щекотливой просьбой, самолично следил ночью за домом, где жила Карина. Ему не повезло – она не выходила, и в ее подъезд никто подходящий на роль богатенького кавалера не входил. В сущности, «неуловимый возлюбленный» мог подстраховаться: переодеться, изменить внешность. Но зачем такие сложности? Можно подумать, Карина – резидент иностранной разведки. Или как раз ее мужчина – резидент?

У Рудольфа Петровича кружилась голова, когда он думал об этом. Окольными путями он расспрашивал коллег Карины – женщин, работающих вместе с ней в фитоцентре «Анастасиум». Они подтверждали, что у Карины Серебровой, судя по ее высказываниям и поведению, есть мужчина, причем связь эта давняя, крепкая. К сожалению, в «Анастасиум» он не приезжал, они его не видели. Им

самим интересно.

– Сколько стоят твои часики? – однажды спросил Рудольф, глядя на циферблат, украшенный бриллиантовой россыпью.

– Это подарок, – без улыбки сказала она. – Тебе не по карману.

Он насупился, промолчал. Что говорить? Она права – на такие часики ему пришлось бы копить несколько лет.

– Ты принимаешь столь дорогие подарки? От кого?

– От возлюбленного.

Карина резала по живому. Но разве он не сам спросил ее? Платонической, судя по всему, их любовь не назовешь: большие деньги мужчина готов тратить на любовницу, с которой ему хорошо в постели, а не на приятельницу, с которой ему приятно поговорить. Межинов гнал от себя эти догадки, избегал их – слишком сильную боль причиняли они. Несовместимую с жизнью.

Он вернулся мыслями в свои молодые годы, в мучительные и прекрасные весны, где таянье снегов, холодный, обжигающий губы березовый сок, запах черемухи, колдовские лунные ночи – все было полно Кариной. Они целовались, но даже в моменты самых жарких ласк Рудольф ощущал незримое присутствие третьего.

Значит, он был уже тогда? Кто? Как? Денег у парня, видать, еще не было. Во всяком случае, Карина если и выделялась среди своих сверстниц одеждой, другими признаками достатка, то не столь разительно. Межинов не раз и не два перебирал, пересчитывал по пальцам все окружение девушки в те годы... претендента на роль «неуловимого возлюбленного» не находилось. Кем стали их общие знакомые, он знал. Купить такие часики Карине ни один из друзей их юности был не в состоянии.

– Подвинься...

Наверное, Рудольф задремал, потому что не заметил, как пришла Светлана. После «итальянской любви» по телевизору ей захотелось чего-то подобного от

мужа. Она принялась ласкаться. Супруг сжал зубы, чтобы не сказать резкости. Постепенно в нем проснулось желание, и он удовлетворил свою и ее потребность в сексе.

С Кариной все было не так. Она занималась с Рудольфом любовью, словно мстила кому-то – неистово, жарко, с отчаянием смертника. Такое сравнение пугало его, но и заводило. Эти редкие мгновения страсти горели нестерпимо яркими огнями, освещая его тусклое, унылое существование. Иногда Межинов с ужасом ловил себя на мысли, что если бы он выследил, узнал ее любовника... то убил бы его, чтобы всецело завладеть Кариной, ни с кем более не делить эту женщину. Многолетний полицейский опыт позволил бы ему замести следы и остаться безнаказанным. Опомившись, подполковник стряхивал опасное наваждение, восстанавливал равновесие водкой, физическими нагрузками, с головой погружался в работу. В такие дни он охотно брал сына на прогулки, водил мальчика в зоопарк, в цирк, в теплое время года катал на катере по Москве-реке, покупал жене подарки. Он цеплялся за Светлану и Витьку как за спасательный круг, боясь утонуть в омуте своей губительной любви.

После секса обе его женщины вели себя по-разному. Жена сразу засыпала, довольная, а Карина часами напролет лежала без сна, говорила странные, непонятные слова... задавала дикие вопросы.

– Ты мог бы застрелить меня и себя? Ты чувствуешь во время оргазма, как сливаешься со звездами? А после? Что ты ощущаешь, опустошение или... бессмертие?

Однажды она спросила Межинова:

– Где твоя любовь, в сердце или в космосе?

Он удивленно поднял на нее глаза, засмеялся.

– Люди любят сердцем, это всем известно.

– У меня не так, – серьезно произнесла Карина. – «Часы любви бессмертие в себе таят и песню звезд, дыхание небес... они питают пульс Вселенной».

– Чьи это стихи? – поинтересовался Рудольф.

– Ничьи. Древние...

* * *

Ева решила действовать самостоятельно, раз Смирнов не желает брать ее с собой. Она не станет его слушаться. Еще чего не хватало! Ограничить свою жизнь преподаванием испанского языка и домашним хозяйством? Ни за что! Она уже узнала вкус частного сыска, приключений, опасных тайн – и не собирается отказываться от этого блюда.

– Чем бы мне заняться? – размышляла она, лежа в ванной, полной ароматной пены, с газетой в руках.

На глаза попало объявление о выступлении балетного ансамбля «Фуэте». Вот! То, что надо. Ева потянулась к мобильному телефону и набрала номер Смирнова, спросила без предисловий:

– Ты уже побеседовал с Ириной Рудневой?

– Пока не успел.

– Давай, я с ней встречусь. Мы, женщины, легче пойдем друг друга.

– Ева...

– Знаю, знаю все, что ты скажешь! – перебила она сыщика. – Со мной случилась кошмарная вещь: меня заманили в жуткий подвал, заперли, чудом не убили. Но это прошло. Я не могу продолжать жить в страхе! Я хочу вернуться к прежнему... к нашим разговорам, совместным поездкам. Мне надоело чувствовать себя в изоляции. Ты не имеешь права ограничивать мою свободу!

– Я не ограничиваю, – оправдывался Всеслав. – Я несу ответственность за твое благополучие.

- Так ведь дело пустяковое! Хулиганские выходки. Разве это опасно?

- Нет.

- И я так считаю! - обрадовалась Ева.

- Я имел в виду, ты никуда не поедешь. С женой Руднева я поговорю сам.

Ева рассердилась, долго ворчала, смывая с тела густую пену с запахом чайного дерева.

- Ну и ладно, - бормотала она. - И плевать! Начну занятия с новой ученицей. Смирнов еще пожалеет, что отказался от моей помощи.

Сыщик уже раскаивался в чрезмерной резкости тона, которым говорил с Евой. Можно было бы и помягче. Но он и думать не желал об участии Евы в его делах. Хватит с нее того, что он будет все подробно ей рассказывать.

Улыбаясь, он представлял, как она сейчас бушует и ворчит. Пусть возмущается, лишь бы с ней ничего не случилось: Ева была так близка и дорога ему, что он не собирался больше подвергать ее малейшему риску.

Ирина Руднева ждала Всеслава, прогуливаясь по набережной. С реки тянуло прохладой, мимо неторопливо проплывал прогулочный катер.

Танцовщица из «Фуэте» оказалась необычайно прямой, по-балетному изящной, красивой молодой дамой. Ее волосы, традиционно собранные сзади в пучок, были закреплены шпильками на затылке, длинную шею украшало золотое кольцо. Свободная светлая юбка из хлопка и такая же блузка выглядели безупречно. Мадам Руднева вполне могла бы работать манекенщицей - и внешность, и рост, и телосложение ей это позволяли. Беременность и роды не оставили после себя никакого следа.

Ирина с интересом разглядывала Смирнова, пока он шел к ней навстречу.

- А вы в отличной форме!

– Ну, до вас мне далеко, – усмехнулся сыщик.

Жена Руднева опустила глаза.

– Я хочу объяснить, почему отказалась разговаривать с вами у себя дома. Не желательно, чтобы нашу беседу прослушивали. Все эти шутки с «жучками» могут иметь реальную подоплеку. Во всяком случае, я предпочитаю отвечать на ваши вопросы на открытом воздухе.

– Техника не стоит на месте, – сказал Смирнов. – Если кто-то задастся целью, он услышит нас и здесь. Впрочем, раз вы так решили...

– Да! – перебила его Руднева. – Я так решила. Будем разговаривать в парках, на улицах, где угодно... только не в нашей квартире.

– Вы напуганы? Вам есть, что скрывать?

Ирина растерялась. Как у всякой красивой женщины, у нее были тайны.

– Вы гарантируете конфиденциальность? – волнуясь, спросила она. – Мой муж и свекровь не должны ничего узнать. Обещайте! Или я не скажу ни слова.

– Обещаю. Все останется между нами, – заверил ее Всеслав. – Это условие моей работы. Люди доверяют мне самое сокровенное, как врачу или психоаналитику. Иначе я не смогу помочь им. Не поставив диагноз, не вылечишь болезнь.

Он говорил примитивные фразы, но Рудневу это успокоило.

– Конечно, – кивнула она царственно посаженной головой. – Меня очень пугает то, что творится вокруг нас. Пусть все поскорее закончится.

Она шла, нервно покусывая губы; за ней тянулся шлейф французского аромата.

– Кто, по-вашему, терроризирует вашу семью? – спросил сыщик. – У вас есть подозрения, не так ли?

Она пожала точеными плечами, обдав спутника волной запаха духов.

– Если у вас хватит терпения, я расскажу вам историю моей жизни – вероятно, обыкновенную для вас, но драматическую для меня. Я ведь провинциалка, из Ставрополя, там училась, росла... потом потянуло меня в столицу. В классе я была самая некрасивая – большегубая, скуластая, тощая и длинная. Мальчики в мою сторону не смотрели, девчонки поднимали на смех, дразнили. Спасал балет. После уроков я собирала сумку с трико, пуантами и шла в зал – готова была пропадать там сутками. Усердие себя оправдало – меня заметили, взяли в детский ансамбль «Сударушка». Когда выросла, встал вопрос: кем быть? Я уже тогда грезилась танцами, а отец уперся, требовал, чтобы я поступала в институт. Все равно, какой, – лишь бы получить диплом о высшем образовании. Я честно пробовала сдать экзамены в торгово-экономический, провалилась... и уехала в Москву.

– Вот так прямо взяли и уехали? – удивился Смирнов. – Без денег? Без знакомств? Без возможности у кого-нибудь остановиться?

– Денег мне едва хватило на билет, – призналась Ирина. – А знакомства? Был у меня в Москве знакомый – Олег Загладин. Ансамбль «Сударушка» разъезжал с гастрольями по всей стране, в том числе однажды мы выступали и в столице на молодежном фестивале. Этот Олег руководил взрослым танцевальным коллективом, он ходил на наши репетиции, подбирал себе перспективных девочек. Я ему приглянулась, но возрастом не вышла. Он тогда со мной поговорил, адрес свой дал, телефон в Москве. «Если надумаешь, – сказал, – приезжай ко мне, помогу устроиться». Ну... после провала на экзаменах в институт, я его и вспомнила. Позвонила, он с трудом сообразил, кто я такая, но в помощи не отказал. Приезжай, мол, о деньгах не думай – на первых порах поддержку, потом сама начнешь работать. Я наивная была, глупая. Поверила... думала, он мои способности оценил, а он оказался птицей другого полета: падким на юных длинноногих девчонок, притом обязательно девственниц. Что было дальше, вы можете догадаться... Явилась провинциальная девица в Москву – жить негде, средств на существование нет, один бог и царь – Олег Загладин. В первый же день он отобрал и спрятал мой паспорт, поселил у себя на даче. Прежде, чем получить работу, мне пришлось переспать не только с ним, но и с дюжиной его дружков – таких же похотливых подонков. Вытворяли они со мной такое... язык не поворачивается говорить! Но хоть не обманули, пристроили в балетную группу «Арабеск», больше похожую на стриптиз на пуантах. Экзотика! И мужиков заводит. В этом «Арабеске» я промучилась год,

потом мне повезло – случайно заметил меня один человек, познакомил со своим другом, руководителем «Фуэте». Еле я от Загладина вырвалась! Но зла на него не держу – сама виновата. Возвращаться в Ставрополь не хотелось, идти учиться тоже. Куда? За какие деньги? Я танцевать люблю, а не мозги напрягать. Вы меня презираете?

– Нет, – искренне ответил Всеслав. – А в «Фуэте» тоже царят... э-э... легкие нравы?

– В общем, да. Но тут хоть никого ни к чему не принуждают – все по доброй воле, а не от безысходности. И платят хорошо. Если женщина замужем, как я, например, к этому относятся с пониманием. Если она просто не желает вступать в интимную связь, это ее право. Выступления в ночных клубах бывают на грани приличия, но не переходят ее. Кстати, в одном из таких ночных заведений я и познакомилась с Рудневым. Влюбилась сразу без памяти, ни о каком расчете речь не шла. Имя его меня поразило – Гордей, – первый раз встретила мужчину с таким именем. И вообще... все у нас с ним в первый раз – любовь, свадьба, ребенок... Он до меня тоже не был женат.

– Вы любите своего мужа?

Ирина помолчала, глядя на волны, бегущие по мутной воде.

– Очень. Он меня ни о чем не спрашивал... я имею в виду, о прошлом. Никогда словом не обмолвился, какую жизнь я вела. Хотя догадывался, наверное. И я ему за это благодарна. Иногда я думаю, что у меня вовсе не было прошлого, что моя жизнь началась с чистого листа, когда мы с Рудневым познакомились. Он дал мне все, о чем я даже не мечтала.

– А почему вы настояли на том, чтобы продолжать работать в «Фуэте»? – поинтересовался сыщик. – Разве муж вас не обеспечивает?

– Разумеется, обеспечивает. Гордей ни в чем мне не отказал, ни разу. Но... я не могу быть полностью зависимой от мужчины, пусть даже самого любимого и любящего. Мой опыт приезда в Москву и ужасного, почти рабского существования у Загладина оставил глубокую зарубку. Человек должен быть в состоянии иметь крышу над головой, прокормить себя, одеть. Мне такую возможность дает танец – больше я ничего профессионально делать не умею.

«Фуэте» – знакомый мне коллектив, неплохие люди; в общем, меня пока устраивает. С возрастом придется подумать о смене работы. Не представляю себе, что это могло бы быть.

– Вы полагаете, происходящее в вашей семье связано с вашей работой?

Ирина отвернулась, смахивая слезы. Ее аккуратно подведенные глаза размазались. Она вытащила зеркальце и принялась вытирать потеки краски.

– С самого рождения меня преследуют неудачи! – горько воскликнула она. – Или наоборот, я счастливая. Как это назвать? Моя мать рано умерла, зато у меня оказалась чудесная бабушка. Я не поступила в институт, зато переехала в Москву. Здесь мне пришлось туго, но я все-таки получила работу, выжила, встретила Руднева, мы полюбили друг друга. У меня сложилась прекрасная семья, родился здоровый ребенок... и снова надвигаются тучи. Неужели, черные полосы у судьбы никогда не кончаются?

Смирнов развел руками.

– Жизнь испытывает нас на прочность, – сказал он. – Наверное, так или иначе, это происходит со всеми.

Ирина привела в порядок лицо, успокоилась.

– Выходя замуж, я ужасно боялась, что Гордей станет попрекать меня прошлым. Вряд ли он заблуждался насчет девушек, подобных мне. Но распушенность – не мой стиль! Думаю, он намеренно обходил и продолжает избегать говорить, размышлять об этом. Он просто закрыл глаза на часть моей биографии, не будучи уверен в том, что сможет принять всю правду обо мне. Лучше сделать вид, словно этого не было. Мы оба притворяемся! И судьба нас наказывает за малодушие.

– Вас кто-то шантажирует? – догадался Всеслав.

– Когда я ушла от Загладина, у него начались серьезные проблемы. Он ведь выпивал, баловался наркотиками... и на чем-то попался. То ли у него нашли травку, то ли получился скандал из-за какой-то малолетки – слухи ходили

разные. Олег вынужден был скрываться, уехал... я уже забыла о нем. Шесть лет мы не виделись. И вдруг, иду с репетиции к такси и встречаю его на улице, случайно. То есть я тогда подумала, что случайно, а на самом деле Олег интересовался мной, узнал, что я вышла замуж за обеспеченного человека, и решил поживиться. Он специально поджидал меня у выхода... Я не сразу его узнала, – небритый, опустившийся... худой.

– Что он у вас потребовал?

– Денег, конечно, – вздохнула Ирина. – Чего же еще? Он напомнил мне о том, как помог устроиться в Москве, и сказал, что долг платежом красен, и что теперь моя очередь помочь ему. Сумма, которую он попросил, была незначительной, и я охотно согласилась, только бы он отстал.

– Вы дали ему денег?

Жена Руднева понуро кивнула.

– Я надеялась, он оставит меня в покое... но через пару дней он появился опять и потребовал уже гораздо большую сумму. Пригрозил, что покажет мужу кино, которое он снимал у себя на даче... ну, вы понимаете! Меня будто ледяной водой окатили – я вспомнила, что он любил снимать ужасные сцены «развлечений» на видео и потом просматривал это кино со своими друзьями. Представляете, если бы Руднев это увидел?! Я снова дала Олегу денег: у меня были собственные накопления, заработанные в «Фуэте». Когда он в очередной раз явился и потребовал денег, я ему отказала. Своих у меня больше не было, а у мужа я брать не собиралась. Загладин жутко разозлился, проклинал меня на все лады, обзывал... видно, здорово его припекло. «Ты еще пожалеешь! – вопил. – Еще приползешь ко мне на коленях! Будешь в ногах валяться!»

Лицо Ирины покрылось красными пятнами, но она не заплакала.

– Когда вы первый раз после длительного перерыва встретили Загладина? – уточнил Смирнов.

– Зимой... в конце января. Я запомнила. После того, как я не дала ему денег, начались телефонные звонки с угрозами.

Глава 4

Ева, напевая, готовила пирог с рыбой – надо же как-то развлекаться.

По сравнению с участием в Славкиных расследованиях, искусство и кулинария занимали ее куда меньше, но она прибегала к ним отчасти от скуки, отчасти из любви к удовольствиям. Сходить в театр, на выставку, полистать альбом с иллюстрациями иногда было довольно-таки приятно. Вкусно поесть – тоже далеко не последнее дело.

После тридцати фигура Евы приобрела выразительные полные формы, бороться с которыми оказалось не только бессмысленно, но и вредно. Округлости, изгибы и плавные линии украшали ее тело, а не портили его. Ева осознала, что ей не суждено быть костлявой, длинноногой и плоскогрудой красавицей, и успокоилась. Каждому – свое.

Зрелые формы и величавая стать античных богинь, не склонных к худобе, убедили ее, что расстраиваться по поводу своей внешности не стоит. Знаменитая статуя Афродиты – богини любви и красоты, с далеко не тощими плечами, далеко не осиной талией, с полными соблазнительными бедрами и слегка наметившимся животиком, веками воплощает в себе идеал женской привлекательности и сексуальности.

Поэтому Ева забросила диеты, пробежки и модные таблетки для похудения, предаваясь радостям жизни без раскаяния. Лишний килограмм не приводил ее в ужас и не лишал сна, как многих менее благоразумных женщин.

Пирог обещал быть восхитительным – Ева положила внутрь большие, сочные куски палтуса, обильно приправила их солью и специями, посыпала мелко нарубленной зеленью и поставила сей шедевр в духовку.

На кухонном столе перед ней лежала кipa газет, которые она хотела просмотреть, пока печется пирог. Журналисты изошрались вoвсю, придумывая небылицы из жизни звезд эстрады и кино, спортсменов и политиков. Ева равнодушно пробежала глазами невероятные истории, скандальные подробности

и пикантные новости. Одна коротенькая заметка с названием «Нелепая смерть» привлекла ее внимание.

Некий журналист Ершов писал о последних месяцах жизни своей матери, Мавры Ершовой. Она стала жертвой хулиганских действий – планомерного, методичного запугивания со стороны неизвестного лица. Нервы пожилой женщины не выдержали, здоровье начало сдавать, и она скончалась. Полиция, призванная охранять граждан от подобного безобразия, оказалась не только бессильна, но и не заинтересована что-либо предпринимать. Они попросту отмахнулись от жалобы.

Далее Ершов кратко изложил свое возмущение бездействием правоохранительных органов и закончил риторическим вопросом: «До каких пор люди будут беззащитны перед выходками отпетых хулиганов?»

Запах пирога отвлек Еву от газеты. Она открыла духовку – ее изделие покрылось румяной корочкой, пора было вынимать его. Выкладывая пирог на блюдо, она все думала о прочитанном. История, описанная журналистом Ершовым, чем-то напоминала происходящее в семье Рудневых.

Ева выписала телефон и адрес редакции газеты и занялась уборкой. Заметка «Нелепая смерть» не шла у нее из головы. Наконец, она решилась – выключила пылесос, села и набрала номер, указанный в газете. Ей вежливо ответили, соединили с Ершовым, который весьма кстати оказался в редакции.

– Я прочитала о смерти вашей матери, – волнуясь, сказала Ева. – Примите мои соболезнования.

Журналист сдержанно поблагодарил.

– Могу я поговорить с вами? – спросила Ева.

– О чем?

Ершов был немногословен, раздражен неуместным любопытством.

– Видите ли... я кое-что слышала о подобной ситуации. Разве вы не собираетесь выяснить, по какой причине...

– Я очень тороплюсь, – перебил ее журналист. – перезвоните мне через полтора часа, и тогда мы договоримся о встрече.

Он положил трубку прежде, чем Ева успела ответить.

Она снова взялась за пылесос, но одолевающие ее мысли мешали наведению чистоты и порядка. За полтора часа, отведенные ей журналистом Ершовым, она не успела как следует сделать уборку. Едва дождавшись назначенного времени, Ева позвонила.

Ершов не обманул: он оказался на месте и согласился встретиться с Евой у станции метро «Измайловская». Она летела туда, как на крыльях, охваченная сыскным азартом.

Солнышко припекало, цветочная пыльца носилась в горячем воздухе. Ершов, высокий, худощавый мужчина лет тридцати, стоял, обмахиваясь газетой. Ева узнала его по росту и рубашке в малиновых разводах, что было оговорено. Его лицо с угловатыми, заостренными чертами, покрывали бледные веснушки; высокий лоб с залысинами придавал журналисту вид интеллектуала; бесцветные глаза прятались за стеклами очков.

Он без улыбки поздоровался, сухо представился.

– Чем могу быть полезен?

Ева слегка растерялась. Увлеченная самыми фантастическими предположениями, она не подготовилась к разговору. Пришлось импровизировать на ходу.

– Я... понимаете, с матерью моей подруги происходит то же самое! – выпалила она.

– Что именно? – наклонив голову, уточнил Ершов.

Казалось, он плохо слышит.

- Кто-то звонит ей по телефону и придумывается разные страшилки. То пауками пугает, то... «жучками».

- Энтомологический[2 - Энтомология – раздел зоологии, изучающий насекомых.] триллер! – глубокомысленно изрек Ершов, криво улыбнулся. – А я здесь при чем?

- Ну... вы писали, что вашу маму тоже запугивали.

- Это совсем другое дело, милая барышня, – нахмурился журналист.

- Да? Ей не звонили по телефону?

- Ей присылали письма...

Ева молча обдумывала услышанное. Неужели чутье подвело ее? Не может быть! Во время чтения заметки «Нелепая смерть» она отчетливо ощутила внутренний толчок: щелк! – ситуации Ершовых и Рудневых взаимосвязаны. Неизвестно, как и чем. Это она собиралась выяснить у автора материала.

- Какие письма? – спросила Ева, собравшись с мыслями.

- Чудовищно глупые и страшные, в духе черной магии. Будто бы сами Силы Тьмы явились из преисподней, дабы отправить душу моей матери в ад, обречь ее на вечные муки. А чтобы она не задерживалась на этом свете, против нее был произведен заговор на смерть, обряд с использованием кладбищенской пыли... и прочее. Письма изобиловали жуткими подробностями магических ритуалов – гробовыми гвоздями, могильными червями, проклятиями типа... «пусть отступится от тебя Ангел-Хранитель, твой избавитель... землю с трех могил мешаю, тебя проклиная...» Что-то подобное. Ну и «сувениры» соответственные подкладывались – то пучки волос, перевязанные черной ниткой, то гвоздь ржавый, якобы из гроба, то осиновые щепки, то... словом, нарочно не придумаешь. Мать у меня была верующая, очень из-за всего этого переживала, сильно боялась, заболела даже. Особенно после того, как соседский пес Марсик издох.

- Марсик? - удивилась Ева.

- Да. Сначала нам подбросили фигурку собаки из воска, проколотую насквозь иглой... а потом Марсик... ну, вы понимаете. Мама ужасно расстроилась, она решила, что собака пострадала из-за нее. Представляете? Я потом узнал, что в городе эпидемия чумки, в том числе это коснулось и нашего двора. Сдох не только Марсик, а еще пара бездомных собак, которые ютились в нашем подвале.

- Вы пытались все объяснить матери?

- Много раз, - кивнул Ершов. - Она вроде бы слушала, соглашалась, но страх был сильнее. Вскоре после смерти Марсика мы нашли в почтовом ящике восковую фигурку женщины, проколотую иглой. Мама как увидела, сразу в обморок... слегла, и больше не встала. Вот, чем закончились «магические» шутки!

- А что сказали врачи? Они назвали причину смерти вашей матери?

Ершов подавленно развел руками.

- Какая разница? Мама раньше болела бронхитом, пневмонией... у нее было слабое здоровье. Участковый врач сказал, что на почве нервного перевозбуждения возникла легочная недостаточность, потом паралич сердца... в общем, зачем вам такие грустные подробности?

- Я дотошная, - сказала Ева. - Хочу сделать вывод на основании большего количества фактов. Каким образом попадали к вам эти ужасные письма?

- Их бросали в наш почтовый ящик. Они были в простых конвертах без обратного адреса. Насколько я могу судить, текст писем набирали на компьютере, потом распечатывали. К сожалению, мама их сразу сжигала: она была уверена, что таким образом нейтрализует вредное воздействие.

- Жаль...

- Чего? - встрепенулся журналист. - Писем?

- Жаль, что нельзя на них посмотреть, - вздохнула Ева.

– А что вы ожидали увидеть? Настоящие колдовские атрибуты? Уверяю вас, бумага самая обыкновенная, для принтера... шрифт тоже не готический и не похожий на каббалистические символы; почтовый конверт, какой можно приобрести в любом отделении связи. Ничего сверхъестественного.

– Фигурки из воска вы тоже уничтожили?

– Тем же способом, – подтвердил Ершов. – После смерти матери я решил написать об этом злодеянии в газете. Вдруг, кто-то еще стал жертвой подобных «шуток»?

– Можно, я вам позвоню, если понадобится? – спросила Ева.

– Конечно. Вы первая, кого заинтересовала моя заметка. Люди привыкли проходить мимо чужой беды.

Ева поблагодарила журналиста и побежала к метро. Ей не терпелось позвонить Славке.

Паутинки летали в остывающем воздухе, невесомые, свободные от людских печалей.

* * *

День Рудольфа Межинова начался как обычно – ранний подъем, разминка, душ, легкий завтрак. Подполковник поддерживал свое тело в хорошей физической форме.

– Ты куда? – спросила жена, когда он, стоя перед зеркалом в прихожей, причесывался.

Коротко подстриженные волосы не желали ложиться ровно.

– На работу.

- Рано еще...

Он смерил Светлану таким взглядом, что следующий вопрос застрял у нее в горле.

Межинов вышел на улицу – во дворе распускалась сирень: ее запах напомнил ему Карину, ее влажные черные глаза, опущенные длинными ресницами, ее нежную грудь, ее сильные стройные ноги...

- Рудольф Петрович!

Черт! Как неудобно получилось – задумавшись, Межинов прошел мимо служебной машины, которая уже ждала его. Водителю пришлось окликнуть начальника.

Подполковник не любил субординацию – он предпочитал ходить в штатском, если условия позволяли, и приучил подчиненных обращаться к нему по имени-отчеству.

- Подбрось-ка меня на Осташковскую, – сказал Межинов, не глядя на водителя.

- Разве мы не в управление?

- Нет.

Парень молча выехал на шоссе – время от времени начальник просил отвезти его на Осташковскую улицу, выходил и отпускал машину. Водитель подозревал, что там живет любовница Межинова. Мужчина он еще молодой, видный – почему бы не закрутить роман на стороне? Впрочем, это были только догадки.

Впереди ехала поливальная машина. От мокрого асфальта поднимался пар.

- Останови здесь.

- Так ведь мы...

Парень хотел сказать: «Мы еще не доехали», – но Рудольф Петрович уже хлопнул дверцей, не оглядываясь, зашагал по тротуару. Здесь неподалеку жила Карина. Однокомнатную квартиру на Осташковской улице ей купил отец, предприниматель Игнат Серебров, занимающийся продажей компьютерных игр и программ. Его фирма «Интерком» пошла в гору.

Можно было бы подумать, что Карину обеспечивает отец. Но это не соответствовало действительности, Межинов проверял. Отношения Серебровых с дочерью складывались тяжело – она редко встречалась с родителями, отказывалась брать у них деньги и вела независимый образ жизни. Квартиру – и то приняла скорее по необходимости иметь отдельное жилье, чем по родственным мотивам.

Межинов увидел ее дом, замедлил шаг и спрятался в кустах. Вернее, занял удобную позицию для наблюдения. Карине в голову не могло прийти, что он иногда следит за ней. Узнай она о сих неблаговидных поступках, скандал устроила бы грандиозный. Разругались бы насмерть! Рудольф опасался разоблачения, но не справлялся со своим жгучим интересом к «неуловимому любовнику», не выдерживал и в очередной раз оказывался рядом с домом Карины. Что он рассчитывал увидеть?

Он досконально изучил ее рабочий график в «Анастасиуме» – в те дни, когда ему удавалось проследить за ней, маршрут Карины был один и тот же: дом, работа, изредка магазины, дом. Все. Казалось, она ведет строгую, почти монашескую жизнь. Однако, Межинов прекрасно знал, какой вулкан бурлит под этим обманчиво спокойным покровом.

В периоды потепления в их отношениях Карина приглашала Рудольфа к себе домой. Стены ее квартиры были оклеены обоями под шелк, мебель и все предметы обихода тщательно подбирались и стоили немалых денег. Он молча рассматривал это великолепие, но вопросов не задавал. Боялся услышать откровенный, безжалостный ответ.

– Что ты так вздыхаешь? – однажды спросила она. – Не нравится?

– Наоборот, – притворно улыбнулся он. – Прикидываю, сколько средств пошло на такой телевизор, кресла, столик в мавританском стиле, узорный паркет.

- Чужие деньги не считают, - холодно отрезала Карина.

- Тебе отец помогает?

Она молча повернулась, сверкнула глазами, как раскаленными углями. Будто прижгла к месту. Слова были не нужны, Межинов все понял.

Паутинка попала ему в лицо, вернула к действительности. И вовремя. По аллее шла Карина - она торопилась на работу: сегодня у нее первая смена.

Сердце Рудольфа замерло и неистово забилось, дыхание перехватило. Ее появление всегда заставляло его врасплох. Она была безукоризненно одета: тонкая юбка до колен, в обтяжку, блуза с воланами, туфли на маленьких каблуках. Движения ее бедер, ее походка... сразу вызвали у Межинова желание, от которого он до ломоты сжал зубы. Что она с ним делает?!

Он пригнулся. Карина прошла мимо, оставляя за собой запах тропической зелени - ее постоянных духов. У подполковника закружилась голова, он с трудом взял себя в руки. Теперь он наблюдал за ней сзади: прямая спина, вьющиеся локоны, белая полоска шеи между волосами и воротником... Если бы он мог прикоснуться к ней губами!

Карина поймала машину. Конечно, у нее достаточно денег раскатывать по городу на такси. Денег ее любовника! Проклятая, божественная женщина... она сведет его с ума!

Межинов подошел к тому месту, где Карина только что садилась в такси - в груди у него болезненно заныло. Он остановил следующую машину, показал водителю служебное удостоверение, уселся рядом.

- Езжайте прямо, пожалуйста.

Тот молча двинулся за такси, которое везло Карину. Ничего интересного и на сей раз не произошло. Дама приехала к Киевскому вокзалу, велела водителю ждать, а сама куда-то направилась. «Наверное, собирается отдохнуть недельку на юге, - подумал Рудольф. - Интересуется билетом на поезд». Выходить из машины он не рискнул: на вокзале потеряться - раз плюнуть. Раз Карина не

отпустила такси, значит скоро вернется. Так и случилось. Она вынырнула из толпы приезжих, села в авто и поехала к фитоцентру «Анастасиум», вышла, перед ней открылись, впустили и закрылись раздвижные стеклянные двери здания.

– Ну что, я больше не нужен? – раздраженно спросил шофер у Межинова. – Могу быть свободен?

Подполковник рассеянно кивнул. Он был занят невеселыми мыслями. Уже несколько раз Карина ездила на Иссык-Куль, не одна, наверное. Восторженно делилась впечатлениями.

– Ненавижу заграничные курорты, – искренне говорила она. – Все эти сусальные, пряничные домики, неестественную чистоту, ухоженность каждого клочка земли, хлорированные бассейны, пресную пищу, безвкусную воду. То ли дело – горные хребты Тянь-Шаня, необозримые просторы, ущелья Ала-Тоо, белоснежные вершины, родники, запах полыни и лаванды... прозрачный, как слеза, воздух.

Карина привозила с Иссык-Куля киргизские войлочные коврики, изделия из серебра, пиалы для чая. Она показывала Межинову редкой красоты серебряные серьги с бирюзой – длинные, все из мелких подвесок, цепочек, покрытые тончайшим узором.

Этим летом она тоже куда-нибудь уедет, будет часами сидеть на берегу, любоваться водой – морем, рекой, озером, предаваться в воображении любовным ласкам. Или, что еще ужаснее, наяву отдаваться другому мужчине, ее тайному возлюбленному. Там, вдали от посторонних глаз, им нечего бояться и не от кого скрываться. Там они...

Межинов скрипнул зубами. Он опомнился, увидел, что стоит на тротуаре, как истукан, мешает прохожим. Надо идти к метро, ехать в управление – его ждет насыщенный рабочий день. А сил уже нет... их выпила, вытянула по капле Карина, иссушила душу до дна.

Подполковник не заметил, как оказался в своем кабинете, распахнул окно, включил вентилятор. Ему было жарко, внутри все горело... запеклось незаживающей раной.

За окном шумел в липовой посадке ветер, небо затягивали тучи. Парило. Из-за горизонта надвигалась гроза.

Глава 5

Смирнов встретился с двумя своими осведомителями и по их подсказке без особых хлопот разыскал бывшего шоу-продюсера Олега Загладина. Тот проживал на заброшенной даче своего друга, такого же опустившегося растлителя малолетних, алкаша и наркомана по кличке Звон. Прозвище Звон получил за неумную болтливость.

Оба заблудших грешника пытались раскурить адскую смесь из маковой соломки и еще какой-то гадости, которую им удалось раздобыть. Небритые, немые, с мешками под глазами, они долго не могли понять, кто к ним забрел.

Всеслав поморщился от спертого воздуха. Он не переставал удивляться, до какой степени нищеты и самоуничужения могут опускаться люди за какие-нибудь два-три года. Стремительность падения вниз ужасала.

– Чего надо? – угрюмо буркнул Загладин.

Сыщик узнал его по длинным заостренным ушам и рыжим волосам.

– Поговорить, – располагающе улыбнулся гость.

– Деньги есть? – пискнул маленький, тощий Звон.

– Деньги потом.

Загладин заинтересованно поднял голову, отрываясь от своей самокрутки.

– У него «башли» есть! – радостно пропищал Звон, вскакивая из-за колченогого, уставленного грязной посудой стола. – Слышь, Олежка?

Смирнов достал из кармана несколько хрустящих новеньких купюр и помахал ими.

- Деньги получит тот, кто ответит на мои вопросы! - торжественно заявил он.

Звон с готовностью придвинулся, разразившись тирадой по поводу их бедственного положения.

- Заткнись ты! - не выдержал Загладин. - Ну, что тебя интересует? - грубо обратился он к гостю. - Мы не стукачи, парень!

- Я понял. Вы Ирину Рудневу знаете?

Загладин сразу помрачнел, замкнулся. Звон тупо уставился на сыщика. Слышно было, как жужжат под грязным потолком мухи.

- Что, язык проглотили, ребяташки? - ехидно произнес Всеслав. - Так я вам живо напомню, за чей счет вы тут кутите!

Ему уже стало ясно, что ни Загладин, ни Звон телефонными хулиганами быть не могут. Вымогать деньги у женщины с запятнанным прошлым - это предел их фантазии. И то - на этот шаг их толкнуло отчаяние. Вероятно, и видеозаписей никаких у них не имеется: пропили, продали. Хотя... чем черт не шутит? А вдруг?

- Я, ребята, с вами церемониться не собираюсь, - зло сказал сыщик. - Заложу вас с потрохами. И переедете вы на казенной машине из этой вонючей берлоги в ментовку. Вас там заждались!

- Он нас заложит! - в ужасе завопил Звон, оправдывая свое прозвище. - Слышь, Олежка? Как он нас нашел? А?! Все! Нам кранты! Сваливать надо! Сваливать! Говорил я тебе, нечего в Москву соваться! Это все ты! «Пастушку», мол, разыщу... она нас озолотит. Она теперь богатенькая!

- Тебя Ирка прислала? - заорал Загладин, наступая на гостя. - Сука! Я этой стерве покажу, где раки зимуют!

Неуловимым легким движением сыщик взял его за руку, повернул, дернул, и Олешка с размаху грохнулся на невымытый пол. Звон в страхе забился под стол и непрерывно скулил оттуда, вымаливая пощады.

– Он нас замочит! – визжал. – Его Иркин муж нанял! Я тебе говорил, не связывайся!

– Цыц ты... – простонал Загладин, отползая в захламленный угол. – Придурок...

Смирнов наклонился и одним рывком выволок хозяина дачи из-под стола. У того глаза чуть из орбит не вылезли от страха.

– Повторяю вопрос, – с холодным спокойствием произнес он. – Вы знаете Ирину Рудневу?

– Рудневу не знаем! Не знаем... вот те крест! – судорожно пытался перекреститься Звон. – Не убива-ай! Грех тебе будет! Ирку Пастухову знаем, «Пастушка» ее кличка... это... ну, псевдоним ее в стриптизе... «Прекрасная пастушка»! Понимаешь, брат? Они, девки, себе прозвища придумывали... У Ирки фамилия – Пастухова. И в балете она... одежду такую надевала, наряд пастушки во... восемнадцатого века.

– Все, продал... – просипел из угла Загладин. – Сдал, сволочь.

– А ты не ругайся. Чего ругаться-то? – тархтел Звон. – На тот свет захотел? Мне еще рано! Ты меня спросил? Посмотри на его рожу... он нам шею скрутит и пойдет себе, насвистывая. И не оглянется.

Смирнов отшвырнул тощего ногой и подошел к Загладину, вытащил из-за пояса короткую дубинку, сделал вид, что примеривается, куда половчее ударить.

– А-а-аа-а! – завопил уже и бывший продюсер. – Не надо! Постой... погоди ты! Давай поговорим!

– Наговорился я с вами, ребята. Пришла пора вам с Богом разговаривать.

– Ну, требовал я у Ирки деньги, признаюсь! – закричал, закрывая голову руками, Загладин. – Пугал ее! Врал, что видео, где мы ее «штучки» снимали, покажу ее мужу. Нет у меня никаких записей, все во время обыска выгребли! Клянусь! Я врал! Понтовался! Она мне сначала деньги давала, а потом отказалась... наотрез. Нету, мол. Ну, я и отстал. Поорал на нее для остротки, чтобы не вздумала заявить, куда не следует, и все. Все! Мамой клянусь!

– Смотри, – поигрывая у него перед носом дубинкой, предупредил сыщик. – Еще раз в Москве появишься, пеняй на себя. А Ирину Рудневу будешь обходить за километр! Увидишь где-нибудь случайно, беги прочь. Запомнил, гнида? Она свое на тебя отработала.

– Мы ее вообще не знаем! – с готовностью пропищал Звон. – «Прекрасная пастушка» была, да сплыла. Ирина Пастухова? Понятия не имеем, кто такая! Никогда не видели, не слышали! Руднева? Тем более.

Загладин с отвращением сплюнул, отворачиваясь от дружка. Звон был и остался трусливой мразью. А Ирка-то, подлюка! Нашла себе заступничка. И ведь придется теперь совсем залечь на дно – такой дядя зря болтать не станет. Сказал – прибью, и прибьет.

Смирнов еще немного попугал «беглых преступников» и собрался восвояси.

– Эй, а деньги? – спохватился Звон.

– Что-о-о?

Хозяин дачи поник, стушевался. Понял, что гостя лучше не злить.

– Ирка не такая уж невинная овечка, – с досадой пробормотал Загладин. – Она меня отравить хотела. Подсыпала какой-то хрени в кофе... хорошо, что меня почти сразу вырвало. А то бы... поминай, как звали.

– Было такое дело! – услужливо подтвердил Звон. – После оргии! Олежка ее заставил обслужить всех по полной программе. Ну, она и взбеленилась. Подумаешь, цаца!

Сыщик прикоснулся дубинкой к подбородку Загладина.

– Я тебя предупредил. И тебя, шавка! – повернулся он к тощему. – Запомнили?

Он вышел из покосившегося домика и зашагал к спрятанной в зарослях орешника машине, чувствуя спиной взгляды «ребятишек», полные бессильной ненависти. Всеслав был доволен – хоть одно полезное дело он сделал: отвадил вымогателя от Ирины Рудневой.

Из дачного поселка Смирнов возвращался в Москву сквозь грозовой ливень. Небо прочерчивали белые молнии, стена дождя отвесно, с шумом падала вниз. Хорошо, что он успел выехать с грунтовки на асфальт. Неожиданно всплыли в памяти слова Загладина: «Она меня отравить хотела...» Если даже и так, Ирину можно понять.

В городе ливень припустил еще сильнее. На дорогах стояла вода, все терялось в дождевой мгле.

Сыщик решил по пути домой заехать к ветеринару, который лечил собаку Рудневых. Тот принял посетителя приветливо.

– А где ваш питомец?

– Я по другому поводу, – улыбнулся Всеслав. – Хочу приобрести щенка ротвейлера. Вы меня не проконсультируете?

– Отчего же нет? С удовольствием.

Ветеринар оказался маленьким пухлым мужчиной, чрезвычайно волосатым – повсюду, кроме головы. Черные волосы густо курчавились на груди, на руках, и, вероятно, под халатом и брюками их было не меньше. Зато голову скромно окаймлял редкий венчик кудряшек.

– Понимаете, у моих приятелей, кого ни спрошу – собаки дохнут, как мухи, – приступил к делу Смирнов. – Не хочется заводить капризного, хилого пса, потому что мне совершенно некогда с ним возиться.

– Вообще-то ротвейлеры довольно выносливы и неприхотливы, по сравнению с некоторыми другими породами. Щенков необходимо вовремя прививать, правильно кормить, и тогда особых проблем не возникнет.

– Мой знакомый, Руднев, тоже так думал, – гнул свое сыщик. – И прививки делал, и кормил, как положено, а пес все равно издох!

– Руднев? – оживился ветеринар. – Это мой клиент... вернее, он приводил ко мне своего ротвейлера, Дика, кажется. У меня отличная память. Иногда Рудневы вызывали меня на дом. Да... печально, но их собака заразилась чумкой от дворняг, и мне не удалось ее спасти.

– А прививку от чумки Дику делали?

– Разумеется! Хотя привитые собаки тоже могут подхватить заразу, они легче переносят болезнь и чаще всего выздоравливают. А вот Дик... Минуточку!

Ветеринар встал, подошел к своему шкафу, порылся на полке, достал какой-то толстый журнал и принялся его листать.

– Да, правильно, Дику делали прививку, – сказал он, найдя соответствующую запись. – Видимо, неудачно. Такое бывает.

– Рудневы вас вызывали, когда пес заболел? – не отставал Смирнов.

– Конечно.

Ветеринар сел и подозрительно уставился на посетителя. Что за неумное любопытство?

– Какие были симптомы? – допытывался сыщик.

– Похоже на чумку...

– А на отравление?

Ветеринар задумался, между его черными кустистыми бровями образовалась вертикальная складка.

– Ну... на определенном этапе... признаки отравления и заболевания чумкой бывают весьма схожи... Я не могу утверждать с полной уверенностью. Надо делать анализы, лабораторные исследования. Но Рудневы об этом не просили. А почему вас интересует именно Дик?

– Это собака моих знакомых, – выкрутился Всеслав. – Я не люблю рассуждать абстрактно. Конкретный случай куда нагляднее. Выходит, ротвейлера легко отравить? Он что, хватает на улице всякую гадость?

– Как приучите. Кстати, с чего вы взяли, будто Дика отравили? Я такого не говорил.

Смирнов еще четверть часа задавал ветеринару разные вопросы о ротвейлерах, делая вид, что пришел сюда за этим, а не из-за Дика. За окнами шумел дождь.

Когда Смирнов вышел, уже стемнело. Ливень стихал, гроза уходила на запад. Горели фонари, их голубоватый свет делал городской пейзаж похожим на старинную гравюру.

Сыщик ехал домой с мыслями о Еве. Она звонила и обещала рассказать ему что-то интересное. После Крыма Ева изменилась... слегка загорела, похудела, стала молчаливее. Она постоянно менялась: то в одном, то в другом. Всеслав не успевал привыкнуть.

За ужином он поделился с ней результатами встречи с Загладиным и его дружкой.

– Ты уверен, что Рудневых запугивают не они? – спросила Ева.

– Почти. Им не до тонкостей, типа «жучков» и паучков. Опустившиеся, жалкие подонки, которые скоро начнут собирать бутылки по помойкам. Как я и думал, Загладин блефовал, говоря о видеозаписи. Во-первых, он «влетел» на крупную сумму, за ним гоняются кредиторы; во-вторых, малолетка, из-за которой поднялся сыр-бор, оказалась сестричкой борзого криминального авторитета. Так

что на Олега охотится и «братва», и полиция. Дачу с квартирой у него отобрали за долги, а перед тем все там перевернули – что оперативники во время обыска не изъяли, растащили бандиты. Вот такая картина вырисовывается. Загладин еле ноги унес, ему не до записей было. Страх и безнадёгу пытается утопить в наркотическом и алкогольном опьянении.

– Жуть какая, – передернула плечами Ева. – Что ты намереваешься предпринять?

Смирнов развел руками. Он пока не знал.

– Понаблюдаю за домом, где живут Рудневы... может, зацепка и появится.

Ева протянула ему газету с заметкой «Нелепая смерть».

– На, почитай. Я сегодня разговаривала с Ершовым, автором этого материала. Не хочешь с ним встретиться?

* * *

Ирина Руднева, бывшая «Прекрасная пастушка», сидела в спальне перед зеркалом и не узнавала себя. Кажется, у нее появились первые седые волоски. Это в двадцать пять лет! Что же дальше будет?

Гордей уехал на работу, ей тоже было пора в танцзал. Впервые не хотелось никуда собираться, ехать, репетировать, видеть рядом разгоряченные, потные тела других молодых женщин. Ирина резко поднялась, сняла шелковый пеньюар и осталась полностью обнаженной. Она возненавидела свое тело с тех пор, как...

Если не обманывать себя, то она, Ира Пастухова, так и не смогла перешагнуть порог той деревянной дачи Загладина, где ей приходилось ублажать продюсера и его дружков. Это для других она теперь респектабельная, обеспеченная дама, танцующая в «Фуэте» из прихоти, свойственной богатым, избалованным людям. А в глубине души она не переставала ощущать себя продажной девкой, доступной любому, на кого укажет перст Олега.

Она не во всем призналась сыщику. В первый же день приезда Ирины на дачу Загладина он обвинил ее в краже. У него пропала крупная сумма денег, а Ирина

выходила из дому, по его же просьбе, в магазин: покупала вино и закуску. Вернувшись, она застала хозяина в бешенстве.

– Ты взяла деньги? – дико вращая глазами, орал он. – Воровка! Все вы такие, провинциалки! Куда ты их дела? В лесу закопала? Или успела дружку передать? Где твой сообщник, говори?! Я звоню в милицию, тварь! Посидишь в тюрьме, быстро признаешься!

Ирина опешила, ноги подкосились, в лицо ударила горячая волна стыда. Она в жизни чужого не брала! А тут... Что он кричит? Какой сообщник? От слова тюрьма ей стало совсем плохо. Ужас, боязнь позора затмили соображение.

Сейчас, наученная горьким опытом, Ирина понимала, что та сцена была разыграна Олегом специально для нее, наивной, неиспорченной девчонки, в расчете на ее глупость и страх. Тогда же ее словно парализовало – и внутренне, в мыслях, и физически, на нее нашел столбняк. Возможно, частично она пребывает в нем до сих пор.

А в тот день Загладин отобрал у нее все документы и сказал, что в милицию, так уж и быть, заявлять не станет.

– Жалко тебя, дуру! Отработаешь то, что украла! – угрожающе изрек он. – Рыпнешься – в тюрьме сгною! Деньги пропали, здесь повсюду твои следы, отпечатки твоих пальцев, дорогуша. Так что срок я тебе обеспечу, не сомневайся. Узнаю, что кому-то звонила, выходила из дому без моего позволения – пеняй на себя!

И началось ее сексуальное рабство. Сначала Олег с ней натешился, развлекался, как хотел. Потом дружков приобщил к «сладкому». Для них это было не впервой, только Ирина того не знала. Они заставляли ее танцевать голой, отдаваться при всех... и совершать еще много всяких изощренных действий. Она не смела сопротивляться, перечить... не смела отказывать в удовлетворении самых низменных, грязных, постыдных желаний гостей Загладина. Ее будто опоили чем-то, лишили воли и достоинства, женской гордости, разума, наконец.

Если Ирина не повиновалась, Олег ее бил – не сильно, но унизительно: по лицу, а мог и ремнем отстегать. Парочка шрамов осталась на память о том времени. Потом Ирина, наверное, надоела загладинской компании. Им захотелось

отведать чего-нибудь новенького, свеженького, и Олег ее отпустил стриптизершей в «Арабеск». Придумали ей прозвище – «Прекрасная пастушка», нарядили в соответствующий костюмчик и отправили раздеваться при публике. Справедливости ради, надо сказать что «Арабеск», кроме стриптиза, показывал иногда и балетные номера. Ирина приобрела определенные навыки, усовершенствовала технику. «Арабеск» стал ее ступенькой к «Фуэте».

Она потеряла уважение к себе после года, проведенного у Загладина; душа ее высохла, подобно выжженной пустыне, сердце окаменело. Иногда ей казалось, что той Иры Пастуховой, которая приехала покорять Москву, больше не существует; она умерла, а вместо нее живет и выступает в задымленной полутьме ночных клубов и на подмостках варьете другая женщина – Прекрасная пастушка: обнажает перед плотоядными взглядами зрителей не свое, а чье-то чужое тело. Она даже не понимала, что красива той неповторимой, разящей красотой, замешанной на генах северных славян и степных народов, которая заставляет мужчин всего мира терять голову из-за русских девушек.

Когда Ирина чуть пришла в себя, у нее появились любовники. Так поступали все девушки в «Арабеске» и большинство танцовщиц «Фуэте», заводили связи с обеспеченными мужчинами, пользуясь их деньгами и покровительством. Они не думали о любви – просто таковы были правила игры, в которой они принимали участие. Ирина подчинялась правилам, принимая поклонение, восхищение и подарки, ничуть не обманываясь относительно мотивов поклонников. Она делила с ними постель – именно так – давая им то, чего они хотели от нее: секса, секса и секса. Взамен получала защиту от посягательств сутенеров и любителей погреть руки на женской красоте, ну и валюту, как водится. О будущем никто из девушек не думал – единицам удавалось подписать контракт с престижными модельными агентствами либо удачно выйти замуж за иностранца или олигарха, остальных ожидало одно и то же: постепенное увядание, снижение спроса, деградация, алкоголизм и наркотическая зависимость, жалкое прозябание. Ни семьи, ни карьеры, ни достойного занятия. Что они умеют? Танцевать, раздеваться и отдаваться.

– Мы – товар! – говорила приятельница Ирины, приехавшая в столицу из Нижнего Тагила. – Возраст снижает нашу цену. Нас ничего не ждет, и когда мы выдохнемся, окажемся на свалке!

Ирина лукавила, уверяя сыщика, что не держит на Олега зла. Разве не он растоптал, уничтожил ее девичью чистоту, заставил презирать себя? Он

применил к ней «мертвый захват» и окунул в грязь, из которой не выберешься. Она мечтала стать танцовщицей, а не девочкой для развлечений. Увы, получилось по-другому.

У Ирины не было ни возражений, ни надежды изменить заведенный порядок. Да и чего другого она заслуживает? Но судьба сжалилась над «Прекрасной пастушкой» и преподнесла ей, за все ее страдания, сказочный дар.

Встреча с Гордеем Рудневым врезалась в ее память каждой, самой незначительной подробностью. После выступления в ночном клубе «Вирджиния» официант принес в комнату, где переодевались девушки, карточку с приглашением для Ирины. Некий Руднев желал поближе познакомиться с очаровательной дамой.

Ирина не стала отказываться – настроение у нее в ту ночь было паршивое, хотелось выпить, развеять грусть. Она подошла к указанному в карточке столику. Мужчина с открытым, приятным лицом, поднялся, представился.

– Вы мне очень понравились, – просто сказал он. – Впервые вижу такую красивую женщину. Давайте выпьем шампанского! За вашу неповторимость.

Ирина невольно улыбнулась. В его глазах не было заметно похотливого огонька; он не спешил дотронуться рукой до ее коленки, обтянутой черным чулком, не заглядывал в слишком откровенный вырез платья.

– Вы не обязаны сидеть со мной, если вам не хочется, – прошептал Руднев, чуть наклоняясь через стол. – Я буду вашим кавалером на сегодняшнюю ночь, пока не наскучу. Вы сможете отделаться от меня в любой момент. Но я очень постараюсь, чтобы этого не произошло.

Никто никогда не обращался с Ириной так уважительно, с таким искренним желанием заслужить ее расположение, как Гордей Руднев. Он вел себя не как мужчина, который заплатил за ее общество, а как рыцарь – галантный и восхищенный. Потом он отвез ее домой, поблагодарил за волшебную ночь и... уехал.

На следующий день посыльный принес Ирине огромную корзину цветов «от счастливейшего из мужчин». Так начался их короткий, бурный роман. Когда

Руднев предложил Ирине руку и сердце, она ушам своим не поверила. В самых смелых снах ей не могло привидеться подобное.

– Ты шутишь? – спросила она, едва сдерживая слезы. – Это жестоко! На таких, как я, не женятся.

– Кто тебе сказал?

– Я не могу...

– Ты мне отказываешь?

– Нет, но...

Руднев расстроился, побледнел.

– Может, дело в возрасте? – упавшим голосом спросил он. – Тебе всего двадцать...

Ирина ужаснулась – ей ведь действительно только двадцать лет, а она чувствует себя даже не зрелой женщиной, а старой и опытной, которая через многое прошла, многое испытала. И вот, заветное золотое яблочко готово упасть к ней в руки, а она медлит, раздумывает. Ускользнет удача – не догонишь. «Будь, что будет», – решила она.

– Я согласна.

– Поехали выбирать свадебное платье!

Он не успокоился, пока они не купили Ирине все необходимое. Дни до свадьбы пролетели, как ураган – Руднев затеял ремонт в квартире, перестановку. Он возил Ирину по мебельным салонам, заставлял ее выбирать шторы, посуду, ковры, постельное белье, разные бытовые мелочи. А она... чувствовала себя замухрышкой на чужом празднике. Вот-вот ее узнают, разоблачат, сорвут ложные покровы, начнут показывать на нее пальцем.

– Гордей, опомнись, – однажды не выдержала Ирина. – Тебе не нужно на мне жениться. Я и так буду жить с тобой! Ты знаешь, кто я... какое у меня прошлое.

– Я ничего не стыжусь и ни о чем не жалею, – серьезно сказал он. – А жить мы будем вместе как муж и жена.

До того момента, как они обменялись обручальными кольцами и женщина-распорядитель поздравила их с законным браком, Ирине все казалось, что ничего такого с ней случиться не может. Что она проснется и обнаружит: все исчезло, испарилось... она прикорнула в танцзале или в поезде, который везет ее на гастроли... или еще где-то. И Руднева рядом с ней нет и не было. Это она замечталась, увлеклась... воспарила в облака. Пора приземляться!

Вокруг смеялись приглашенные, хлопали пробки от шампанского, пахло цветами, духами, и она, в белом платье, в веночке и фате находилась на грани забытья... что-то говорила, двигалась, улыбалась, принимала поздравления... но сквозь дымку отстраненности. Будто все происходило не с ней, Ириной, а с другой, красивой и достойной женщиной. Эту другую женщину взял под руку и повел к выходу влюбленный супруг... подхватил на руки, понес к машине... Эта другая вошла с ним в уютную, превосходно обставленную квартиру, чтобы быть в ней хозяйкой. Это другую целовал, обнимал и лелеял молодой, привлекательный мужчина. Другая родила ему ребенка...

Ирина до сих пор не поверила до конца, что она жена Руднева – законная, любимая, уважаемая и желанная. Может быть, поэтому и не бросала «Фуэте». А вдруг, счастье ее обманет – вспорхнет, и улетит? И останется она одна-одинешенька, без кола, без двора, без гроша за душой. Зарубки прошлого! Как глубоко, крепко въелись они.

Появление Загладина, призрака из болезненного кошмара, напомнило ей, кто она. Прошлое догнало, грубо вторглось в ее новую благополучную жизнь. Чтобы помочь Ирине понять, как она любит своего мужа, как боится его потерять.

– Ира! – позвала из своей комнаты свекровь. – Ирочка! Иди сюда!

Она поспешила одеться, захватила с собой лекарство. Наверное, Екатерине Максимовне плохо. Поскольку своей матери Ирина не помнила, называть свекровь «мамой» не смогла – она никого так не называла. Та не обиделась,

приняла как должное, что невестка обращается к ней по имени-отчеству.

– Я тебе кое-что рассказать хочу, дочка, – пробормотала свекровь, когда Ирина подошла. – Ты сядь... Мне душу облегчить надо. Умру я скоро.

– Ну, что вы! – вздохнула Ирина.

– Ты не спорь... Я смерть видела! Зимой еще... Ты к телефону-то не подходи, не бери трубку! А то и ты... – она закашлялась, тяжело, со свистом втягивая воздух.

– Что? – наклонилась Ирина.

– Мне смерть звонила... Говорит: «Хочешь на меня посмотреть? Подойди к окну, что выходит во двор, когда три пробьет! Так и сказала... «три пробьет». Странно, правда? Я сперва испугалась, потом забыла, а потом... случайно на часы глянула – три! Я – к окну, а она... там, между деревьев... стоит, вся в черном...

– Кто?

– Я же говорю – смерть. А сыщику я про то не поведала... постеснялась.

«Она бредит, – подумала Ирина. – Надо будет вызвать врача».

Глава 6

– Ну, как? Поедешь к Ершову? – спросила Ева, разливая по чашкам какао.

– Надо бы... – без энтузиазма кивнул Славка.

Он взял горячую ватрушку и начал вяло жевать – аппетита не было. Легкое дело о хулиганстве, не предвещавшее никаких осложнений, зашло в тупик. Олег Загладин оказался ложным претендентом на роль телефонного террориста, а другого пока не появлялось. Слежка за домом, где проживали Рудневы, тоже ничего не дала. То ли злоумышленник сам решил затаиться на время, то ли его

спугнули – оставалось только гадать. Охранник, приставленный Рудневым к бабушке с внуком, разводил руками – он считал происходящее дурной шуткой и никого не подозревал.

– Завистника ищите, – посоветовал он Смирнову. – Кому-то не дают покоя деньги Гордея Ивановича, его молодость, красавица-жена и вообще... свалившееся на него совершенно ничем не заслуженное счастье. У нас ведь народ богатых не жалуется. Да и христианство к этому руку приложило: дескать, как верблюду не пролезть в ушко иголки, так и богатею в рай не попасть. А поскольку ждать высшей справедливости невтерпеж, люди берут на себя задачу создать «буржую» ад на земле.

Всеслав медленно, со скрипом, отрабатывал окружение Руднева – родственников, приятелей, коллег, конкурентов, бывших женщин, соседей. Зацепиться было не за что. Многие могли иметь зуб на Руднева и наверняка его имели, но как среди них вычислить одного? Дело осложнялось и тем, что Гордей Иванович вырос не в Москве, а в подмосковном Абрамцеве, и корни старинной неприязни могли тянуться еще оттуда. Загородная поездка, предпринятая сыщиком, ничего существенного к уже известным фактам не добавила. Рудневы жили скромно, особым достатком или талантами не выделялись. Супруг Екатерины Максимовны попивал, и она с ним развелась, как только сын окончил школу, уехал трудиться и учиться в столицу. Жила одна, работала продавцом в гастрономе, с трудом сводила концы с концами. Потом Гордей выучился на архитектора, занялся бизнесом, пошел вверх, начал помогать матери, женился, а когда у него родился сын Антоша, вызвал мать к себе, нанять внука. Вот, собственно, и вся история. Из родни у Рудневых, кроме отставного папаши, были старшая, ныне покойная сестра Екатерины Максимовны и две ее дочери, проживающие в Волоколамске. Обе, насколько удалось выяснить Смирнову, замужние, погрязшие в семейных хлопотах.

Газетная заметка Ершова не произвела на сыщика должного впечатления. Ему ли не знать, сколько похожих случаев на поверку оказываются ничем не связанными между собой. Но... за неимением выбора придется хвататься за ту соломинку, которая должна спасти утопающего.

– Что тебе сказал этот Ершов? – без интереса спросил он у Евы.

– Его мать получала анонимные письма... уведомлявшие ее про обряды черной магии. Кто-то наводил на нее порчу, подбрасывал фигурки из воска, ржавые

гвозди и все такое.

– Какие гвозди?

– Те, которыми гроб заколачивали.

– Чей? – удивился Смирнов.

– Откуда я знаю?! Гроб с покойником! – разозлилась Ева. – Есть ритуал, понимаешь? «Как гвоздь забит, так и тебе не жить!» Что-то подобное.

– Ну и чепуха! – разочарованно пробормотал Всеслав. – Бред сивой кобылы!

– Напрасно ты столь пренебрежительно отзываешься о черной магии, – тоном учительницы начальных классов заявила Ева. – Это не шутки. Мать Ершова, между прочим, умерла, как ее и предупреждали.

– Все рано или поздно умирают, – резонно заметил сыщик. – Сколько лет было бабушке? Небось, к возрасту прилагался пышный букет заболеваний. Чему удивляться-то?

Ева закусила губу – она допустила промах: не спросила у журналиста о возрасте его матери. И насчет болезней Славка попал в точку: Ершов упоминал о слабом здоровье умершей.

– А собака?

Смирнов насторожился. Ротвейлер Дик не выходил у него из головы.

– Что ты имеешь в виду? – спросил он. – Ершovy держат пса?

– Не совсем. Ершова получила фигурку собаки из воска, проткнутую иглой, а потом... соседский пес Марсик приказал долго жить. И еще несколько дворняжек последовали за ним.

– Боже мой! – простонал сыщик. – Ветеринар мне объяснил, что в городе свирепствует эпидемия чумки, только и всего. С таким подходом любое событие можно истолковать как черную магию. Муха упала в варенье – происки колдуна! Тараканы появились – кто-то порчу навел! Кот подхватил лишай – ищи злой умысел «темных сил»!

– Не стоит иронизировать. Хочешь сказать, это ветеринары пугают бабушек-пенсионерок?

– Нет, сам Вельзевул разгуливает по Москве и выбирает своими жертвами пожилых дам! Ева, умоляю тебя, будь же благоразумна!

Она надулась.

– Ты неисправим! – буркнула, насупившись. – Посмотрим, куда тебя приведут ум и логика! Что они подсказывают? А? Когда ты избавишь Рудневых от злобного «шутника»?

Всеслав не сразу нашелся, что ответить. В словах Евы был резон.

– Кстати, он что-то почувствовал... этот клоун: притих, и ни гугу, – вздохнул Смирнов. – И я понятия не имею, как к нему подобраться.

– Без колдовства тут не обошлось! – заявила Ева. – Поезжай к Ершову, поговори с ним по-своему. Вдруг появится ниточка?

Смирнов нехотя кивнул. Все равно, никаких версий, предположений и догадок у него не было. Почему бы не встретиться с журналистом? Он позвонил Ершову, представился частным детективом.

– Я расследую случай, похожий на тот, что произошел с вашей матерью. Мы можем поговорить? Желательно у вас дома. Мне необходимо увидеть место происшествия.

Ершов колебался, но не отказал. В кои-то веки люди заинтересовались его публикацией – это льстило самолюбию. А Ершов был невероятно, болезненно самолюбив.

– Хорошо, – согласился он. – У меня скоро обеденный перерыв, я приеду домой. Записывайте адрес.

Ева довольно улыбнулась. Она-таки уговорила Смирнова!

– Надеюсь, ты не пожалеешь, – прошептала она, закрывая за ним дверь.

На улице похолодало. Пахло цветами, подсыхающей после дождя землей. Дети пускали в большой луже бумажные кораблики. Несколько дворняг нежились на солнышке.

– Девушка! – окликнул сыщик присматривающую за малышами девицу в джинсах и легком свитере.

Та подняла голову, недоуменно уставилась на него.

– Вы меня?

– Ага! – кивнул Всеслав, достал из кармана пачку сигарет. – Покурим?

– При малых не буду, – отказалась девица. – Я возьму две, можно?

Она осторожно вытащила две сигареты, спрятала в пристегнутую к поясу сумочку.

– Как собаки во дворе, не болеют? – вдруг спросил Смирнов.

Девица распахнула и без того огромные, навывкат, глазищи. Оглянулась на дворняжек.

– Вроде нет. А что?

– Говорят, мор на собак напал. Не слышали?

Девица чувствовала себя неловко, переминалась с ноги на ногу и посматривала в сторону детей. Станные вопросы ей задают!

– Я подрабатываю, – объяснила она. – Гуляю с детьми. Три часа в день, оплата приличная и опыт приобретается. Я на факультете дошкольного воспитания учусь, привыкаю общаться с малышней. Они забавные.

– А как насчет собак? Хочу щенка взять, да ветеринар пока не советует. Болеют братья наши меньшие. Эпидемия у них.

Девушка пожала угловатыми плечами.

– Пуделя каждый день во двор выводят, – сказала она. – И добермана, и двух далматинцев. Ничего, вид у них здоровый. Дворняги вон тоже не жалуются.

Смирнов поблагодарил ее и пошел к машине. Девушка покраснела, глядя ему вслед. Заигрывает он с ней, что ли?

Через сорок минут сыщик уже поднимался на лифте на пятый этаж, к Ершову. Тот открыл дверь, в нос ударил запах разварившихся пельменей.

– Входите, – пробормотал журналист и ринулся на кухню. – Пельмени сбежали! – на ходу пояснил он. – Вы присаживайтесь в гостиной, я сию минуту.

Квартира Ершовых была обставлена на церковный манер: много икон, лампад, календарей с религиозной символикой, желтых свеч, парчовых подушек. Запах воска и ладана, казалось, пропитал стены. Через окно в комнату косо падали солнечные лучи, в них танцевали пылинки. В кухне хозяин громыхал посудой. Управившись с пельменями, он явился в гостиную.

– Ну-с, я готов, – доложил Ершов, уселся напротив гостя. – Чем могу помочь?

– Расскажите подробнее, что привело вашу матушку в нервное расстройство, а затем и...

Смирнов притворился, что ему больно произносить ужасные слова о смерти. Ершов состроил скорбную мину и рассказал о письмах, жутких осиновых щепках, гвоздях, кладбищенской пыли и прочих атрибутах черной магии.

– Это свело мою мать в могилу. Перед смертью у нее даже разум помутился, страшно было слушать ее речи! – трагически воскликнул он, и веснушки на его лице стали в три раза ярче. – Некого призвать к ответу за совершенное убийство. Не к кому обратиться!

– Убийство? – переспросил сыщик.

– А что же еще? Как назвать подобное злодеяние?

– Вам знакома фамилия Рудневых? – уклонился от ответа Всеслав. – Гордей Руднев? Ирина Руднева?

– Н-нет, – замотал головой журналист. – Не приходилось знать таких.

Он помолчал, подумал, и подтвердил первый ответ. Рудневых он не знает.

– А кто была по профессии ваша мать? Как ее звали, кстати?

– Мавра Ильинична, – сказал Ершов. – Она работала швеей в ателье. Неплохо умела кроить, подрабатывала дома шитьем на заказ. До самой смерти... – он шмыгнул носом, глаза за стеклами очков покраснели.

– У вас не осталось вещественных доказательств?

– Чего, простите?

– Ну... восковых фигурок, гвоздей?

Журналист вскочил и замахал руками.

– Мама все уничтожила! Все! Разве такую гадость можно держать в доме? Это значит, впустить сатану в свое жилище! Мама так говорила.

– Вы верующий? – Смирнов выразительно взглянул на иконы.

Ершов поник, успокоился и сел.

– Без фанатизма, – признался он. – Это все мамино: иконы, свечи, молитвенники. Я редко хожу в церковь. Верю во что-то высшее, как и другие. Но истинно верующим меня назвать нельзя.

Всеслав не знал, о чем еще спрашивать.

– У вас есть семейный альбом с фотографиями? Дайте посмотреть, – попросил он.

– Ради бога, – Ершов с готовностью метнулся к полке с толстыми, скорее всего религиозными книгами, взял альбом. – Вот, пожалуйста.

Фотографий было мало, большинство – любительские, плохого качества.

– Это ваши родители? – сыщик показал на снимок, где сидели, обнявшись, молодые мужчина и женщина.

– Да, – кивнул Ершов.

– А где ваш отец?

– Умер, много лет назад. Я был еще ребенком. Мама так и не вышла замуж второй раз.

Смирнову попалась фотография, где молодая Мавра Ильинична держала на руках маленького мальчика.

– Это вы?

Ершов отрицательно покачал головой.

– Нет. Здесь мама с моим старшим братом. Он тоже умер. А вот я! – журналист показал гостю снимок: он рядом с матерью, с портфелем и букетиком астр стоит на ступеньках какого-то здания. – Это школа. Я иду во второй класс.

* * *

Карине было тесно в ее однокомнатной квартире – каждое утро, просыпаясь, она видела одно и то же: белоснежный ровный потолок; изысканно закрученные рожки люстры; обои, отливающие шелком персикового цвета; тщательно подобранную мебель красного дерева; телевизор...

Когда становилось невмоготу, она отправлялась бродить по городу – в Сокольники, Филевский парк или на набережную Москвы-реки, ища простора и не находя его. Отпуск всегда казался ей чрезмерно коротким, а возвращение в город – тягостной необходимостью. Что продолжало держать ее здесь? Неутоленная страсть? Неисполненное предназначение? Нереализованная цель?

– Мои цели ничтожны, – признавалась она себе. – То, что я делаю, не дает мне полного удовлетворения. А то, что кипит во мне, требуя выхода, приходится подавлять. Мне не интересен «Анастасиум», не интересен досуг, заполняемый скучным чтением или просмотром пустых, трескучих телевизионных программ. Театр, кино, музеи, выставки – не более, чем жалкая попытка уйти от самого себя, скрыться в каменном лесу от преследующих химер. Я словно в клетке, прутья которой свиты из безысходности. Иногда мне кажется, что сама жизнь является оковами, которые связывают меня. Свобода же для меня еще более губительна...

Поездки на Иссык-Куль давали ей тот глоток разреженного горного воздуха, который позволял дышать еще многие месяцы. Она вспоминала торжественные, необозримые синие просторы озера, с едва обозначенными в туманной дымке заснеженными вершинами Тянь-Шаня, и у нее захватывало дух. Здесь она не чувствовала своих цепей, и ее мысли свободно парили над сапфировой гладью воды, прозрачной и соленой, как слезы. Дневная жара сменялась прохладными ночами. Блестящая лунная дорожка тянулась по черной воде, теряясь в густом мраке. Величественное, загадочное молчание гор таило в себе странную тревогу.

Однажды ночью Карине приснился сон: на огромной отвесной скале, уходящей вершиной в облака, сидит и плачет Демон. В его волосах запутались звезды, а его слезы падают в озеро... сверкающие капли из очей нездешнего существа...

Она встала и подошла к окну. Из ее гостиничного номера как раз была видна высоченная скала. В лунном свете клубящиеся над ней обрывки туч создавали причудливую игру света и тени, похожую на фигуру сидящего Демона. Крупные яркие звезды стояли в воде, и казалось, небо и зеркальная гладь озера поменялись местами... пространство перевернулось, время замерло... До слуха Карины донесся слабый, протяжный звук, исходящий из самого сердца гор – стон Демона, он проник в нее, заполнил каждую клеточку ее тела...

Карина проснулась утром, не в силах разъединиться с ночным видением. Она не могла бы с уверенностью сказать: вставала ли она, подходила ли к окну? Явь и сон смешались, отрывая ее от повседневных восприятий жизни, внедрились в ее сознание и поселились там в виде прекрасной и жуткой фигуры плачущего Демона.

У Карины появилась странная мысль: «Ему тоже тесно здесь! Он тоже страдает!» Она даже подумала, что образ этого существа сродни ее... любви? Какие темные, дикие ощущения бродят в ее сердце! Оторопь берет, если приглядеться, прислушаться к себе. Не зря отец говорил ей: «Не смотри на меня, у тебя демоны в глазах!» И она прятала взгляд...

Чтобы не сходить с ума, Карина решала развлечься. Каждый раз она придумывала что-то новенькое, порой излишне экстравагантное. В последний отпуск она флиртовала направо и налево. В соседнем номере жил молодой человек, который давно приглашал ее покататься на катере по Иссык-Кулю. Он привез с собой кучу всяких приборов для поиска кладов и снаряжения для подводного плавания, расхаживал с деловитым видом, изучал карту побережья, прилегающих к озеру ущелий.

– Это не простой водоем! – с пафосом восклицал он. – На его дне покоится тайна ариев. Отсюда за двенадцать веков до Рождества Христова началось великое переселение народов. Здесь спрятаны несметные сокровища! А во время гражданской войны «черный барон» Унгерн фон Штернберг закопал на берегу озера сундуки с золотом и драгоценностями.

– В самом деле? – удивлялась Карина.

Она приехала на Иссык-Куль с практической и вполне определенной целью, надеясь успешно осуществить ее в ближайшие дни. Почему бы ей не

присоединиться к молодому кладоискателю? Это отвлечет от беспокоящих навязчивых мыслей и, возможно, доставит удовольствие. Поиск сокровищ – весьма романтическое приключение.

Молодой человек пришел в восторг, когда она выразила желание составить ему компанию.

– Я думал, вы никогда не согласитесь, – признался он.

Погода была ясная – ни ветерка, ни облачка, катер, заказанный кладоискателем, уже стоял у причала. Им управлял угрюмый, загорелый до черноты небритый киргиз-рулевой. Ему за время летнего туристического сезона успели изрядно надоесть ныряльщики, археологи и прочие джентльмены удачи, охотящиеся за золотом Иссык-Куля.

Катер легко скользил вдоль живописных берегов, рассекая темную синь озера. Карина, не отрываясь, смотрела на воду.

– Много веков назад Иссык-Куль затопил расположенные на его побережье и островах города, – рассказывал кладоискатель. – Любезнейший, отвези-ка нас к замку тамплиеров!

Рулевой молча кивнул. Болтовня пассажира раздражала его.

– И тамплиеры были здесь? – скептически усмехнулась Карина. – Их-то какими судьбами занесло на Тянь-Шань?

– Рыцари искали, куда бы спрятать сокровища Ордена, и не придумали ничего лучше, как построить на одном из здешних островов свой замок. В его подвалы они тайно перевезли накопленные богатства. А что? Местность непроходимая, особенно в те времена... добраться до озера мог далеко не каждый.

Рулевой сердито хмыкнул. Он замедлил ход, заглушил мотор и буркнул:

– Смотрите вниз. Ряби нет, видимость отличная.

Кладоискатель сейчас же наклонился над водой, пристально всматриваясь в глубину. Карина последовала его примеру. В прозрачно-синей толще воды происходило какое-то движение... от напряжения глаз стало казаться, будто на дне проступают очертания развалин – крепостная стена, башня...

– Вот он! Замок тамплиеров! – закричал молодой человек. – Видите? А я не взял с собой акваланг! Какая жалость.

Он схватил фотоаппарат и лихорадочно защелкал, пытаясь запечатлеть фантастическую картину.

– Зря это все, – ухмыльнулся киргиз. – Ничего не получится.

Карина наклонилась ниже, подводный вид заворожил ее. Неужели на дне озера действительно...

Она не додумала мысль, ее отвлекло другое: размытые пятна и линии сложились вдруг в черты лица... будто кто-то невидимый смотрел сверху в глубину, отражаясь в ней, как в мутном зеленовато-синем зеркале. Демон?.. Его губы тронула жуткая, едва заметная улыбка...

– А-ааа! А-а-аа! – закричала Карина, отпрянула назад, зажмурилась.

– Что случилось? – всполошился кладоискатель. – Что вы там увидели? Карина! Что там было?!

Он перегнулся через борт и неистово щелкал фотоаппаратом, торопясь уловить ее видение.

– Сокровища Иссык-Куля охраняет дракон, – захохотал рулевой, надвигая войлочную шляпу на глаза. – Он своего нипочем не отдаст.

Карина застыла, пораженная. У нее напрочь отбило интерес к сокровищам и затопленным городам.

– Поедемте назад, – попросила она киргиза. – Мне нехорошо.

– Это от солнца, – суетился возле нее молодой человек. – Надо было вам шляпу надеть, киргизскую, из тонкого войлока. Отличная защита от солнечных лучей. Вы перегрелись.

Он велел рулевому поворачивать. Акваланг кладоискатель оставил в номере, так что нырнуть не удастся. Да и снимки не терпелось поскорее просмотреть.

В гостинице царила прохлада. Карина купила бутылку минералки, закрылась у себя и легла. Перед глазами стояла улыбка Демона... Что с ней? Солнечный удар?

Она провалилась в забытие, а проснулась от стука в дверь. Это пришел поделиться горем кладоискатель.

– Чертов киргиз был прав! – выпалил он, врываясь в номер Карины. – Вот! Все насмарку! Ни одного стоящего кадра.

Он размахивал фотокамерой, сокрушался и тыкал в нее пальцами, проклиная на чем свет стоит ехидного рулевого, палящее солнце и коварное озеро.

Карина невольно засмеялась, опомнилась. Она не среди Тянь-Шаньских гор, а в Москве, в своей квартире. Звонок телефона окончательно отрезвил ее.

– Кариночка, я безумно соскучился по тебе, – прошептал в трубку Межинов.

– Ну, так приезжай...

Она открыла шкатулку и достала оттуда киргизские серьги с бирюзой, зеленовато-голубой, как оттенки озерной воды. Надела, подошла к зеркалу... Сильное, неистовое желание страстной, плотской любви вспыхнуло в ее крови, закипело пожаром. Если его не пригасить...

Рудольф позвонил в дверь, и Карина сразу, едва он вошел, прильнула к нему всем телом, горячо дыша, изнемогая от любовной истомы... Бурные ласки закончились слишком быстро, а вулкан внутри Карины продолжал извергать пламя.

– Еще... – шептала она, задыхаясь. – Давай, милый.

Она так и не получила того, чего хотела. Мог ли Межинов утолить ее любовную жажду? Мог ли утолить ее другой мужчина?.. Другой – мог. Но не желал. Глаза Карины наполнились слезами. Ее тело горело, а душа, опустошенная лихорадочными, бесплодными порывами, стенала, молила... Кого? О чем?

Демон со звездами в волосах смотрел на ее муки, улыбался из своей недосягаемой дали...

Глава 7

Женщина, бравшая у Евы уроки испанского языка, работала в страховой компании, а муж уговаривал ее перейти в туристическую фирму своего брата.

– Английским и немецким я владею сносно, французским чуть-чуть, а по-испански ни слова не понимаю, – сокрушалась дама.

Способности к языкам у нее, наверное, были врожденные. Это Ева почувствовала с первого же занятия. Полсотни уроков – по три в неделю, и разговорный минимум она освоит.

Между Евой и будущей сопровождающей туристических групп установились теплые, доверительные отношения. Они пили вместе кофе с коньяком, болтали, делились маленькими секретами.

– В эту субботу муж везет меня в Абрамцево, – провожая Еву после очередного урока, сказала дама. – Погода обещает быть прекрасной. Не хотите прокатиться, посмотреть усадьбу Аксаковых, парк?

– С удовольствием, – выпалила Ева, запоздало понимая, что в Абрамцево ее влечет отнюдь не дом Аксаковых. – А как мы поедem? На электричке?

В Абрамцево до переезда в Москву проживала мать Руднева, там Гордей Иванович рос, учился в школе. Вдруг, оттуда протянется слабый, пусть едва

заметный, но – след? Ведь должно же существовать объяснение происходящему в их семье? А Ершов? Он, кстати, откуда родом?

– ...на нашей машине, – долетел до Евы обрывок предложения.

Она погрузилась в размышления и упустила начало, но переспрашивать не решилась. И так, они едут на машине. Что ж, отлично!

Дама, любезно улыбаясь, попрощалась с преподавательницей.

– Так мы за вами заедем! – сказала она напоследок, закрывая за Евой дверь.

Вечером того же дня Ева заявила Смирнову, что в субботу едет в Абрамцево. Ее пригласили на загородную прогулку.

– Я там уже был, дорогая, – нахмурился он. – Ты знаешь. Никакого толку! Одна пустая трата времени.

– А что ты искал?

Всеслав пожал плечами.

– Что-нибудь! Разве у меня есть стоящая версия? Так... разные глупости. Хулиганство и колдовство. До чего я докатился?!

– По-моему, ты напрасно злишься, – сказала Ева. – Колдовство – далеко не шуточное дело. Люди и собаки просто так умирают, да?

Сыщик вздохнул и посмотрел на нее как на несмышленного младенца.

– Разумеется, не просто, а от болезней и по возрасту. Обычные причины смерти.

– Ты невыносим! – фыркнула она. – Если бы ты искал в Абрамцево человека, который занимается колдовством...

– Нет уж, уволь! – перебил ее Смирнов. – «Темные силы» не по моей части. Я не инквизитор.

– Вот поэтому теперь я съезжу, – вспыхнула Ева. – Может, мне больше повезет.

Она записала адреса, по которым ходил Славка, и задумалась.

– Ты спросил у Ершова, где он родился и рос?

– К сожалению, дорогая, твой журналист – коренной москвич. Во всяком случае, он так сказал. Мрачная личность: возле него все мрут, как мухи. Отец, старший братик... теперь и мамаша. Уж не его ли это проделки – кладбищенская пыль, восковые фигурки и письма? Ты бы побывала у него в квартире. Сплошной иконостас! Религиозность может вывернуться таким боком, что диву даешься. Интересно, он «небесных голосов» не слышит? На учете, как психически больной, не стоит?

– А что, есть подозрения? Мне он показался немного взвинченным и обостренно самолюбивым. Это не патология.

Первые дни лета выдались теплыми. Густо, сочно росли травы. Крапива вымахала такая, что сплошной стеной закрывала заборы.

Ева осторожно шла по тропинке, усыпанной лепестками акации. Она извинилась перед своей ученицей и ее мужем, объяснила, что у нее в Абрамцево свои дела – они отправились в парк, а Ева решила провести отца Гордея Руднева.

Заросший седой щетиной старик сидел на скамеечке во дворе покосившегося деревянного дома, курил самокрутку.

– Мне нужен Иван Руднев! – крикнула Ева через забор. – Это не вы будете?

– Ну, я... Входи, дочка, собак у нас нету.

Вблизи было видно, что старик не промах по части крепких напитков: обрюзгшее, испитое лицо, синие мешки под глазами, трясущиеся руки. Он

казался значительно старше своих лет.

– Я занимаюсь социальным обеспечением, – сказала Ева. – Проведываю одиноких пожилых людей, выясняю их материальное положение.

– А-а... – равнодушно пробормотал старик, щурясь от едкого дыма.

– У вас есть жалобы?

– Пенсия маловата. Дом валится, а починить не на что. Он мне от матери достался, в наследство. Жена выгнала... вот я с тех пор сюда и переселился. Работал на железной дороге, ремонтником. А теперь едва перебиваюсь.

– Дети у вас есть? – спросила Ева.

– Сын. Большим человеком стал, в Москве живет. Только он мне не помогает, обиделся. И жена обиделась. Не признают они меня. Катька, неблагодарная баба, за водку меня поедом ела! – распалился старик. – Будто рабочему человеку и выпить нельзя! Забыла, как я ее, голодранку, у себя в бараке поселил, женился на ней. Потом барак снесли, нам полдома дали. А она меня выгнала!

– Почему вы свою... бывшую жену называете голодранкой?

– А кто она есть? Работала продавцом в магазине, комнатушку снимала – половину зарплаты приходилось за жилье отдавать.

– Так она не здешняя?

– Катька-то? – старик Руднев выпустил из щербатого рта облако вонючего дыма. – Знамо дело, не тутошняя! Чего бы она у чужих людей угол снимала? Приезжая она.

– Откуда?

Старик почесал затылок, сделал пару затяжек.

– Запомнил я... То ли из Березова, то ли из Березовки. Я ее так и называл: «чурка березовая»! – он сипло засмеялся. – Пацана бирюком вырастила, он со мной, родным папашей, разговаривал свысока. Я, вишь, для них пьяница, алкаш, значит. Они меня стыдились, а как Гордей школу окончил, Катька со мной развелась. Ни ответа, ни привета с тех пор!

Он сердито дымил, а Ева обдумывала очередной вопрос.

– У вас еще родственники есть?

– Не-а, – помотал давно не стриженной головой Руднев. – Я один, как перст, остался. У Катьки сестра была старшая – померла. Племянницы есть, дочери ее: они в Волоколамске живут. К нам ни разу не приезжали, только открытки слали... на Новый год. А больше родни нету.

Подул ветер, и на траву снегом полетели лепестки отцветающих акаций.

– Вы в колдовство верите? – вдруг спросила Ева.

Старик закашлялся, долго протирал слезящиеся глаза.

– Ни в бога, ни в черта! – хрипло сказал он. – Какое еще колдовство? Тьфу! Если что померещится, у меня одно лекарство – стакан водки.

Ева не сдавалась. Не может она уехать ни с чем!

– А в молодости... слышали о колдунах, ведьмах? Жили у вас в Абрамцево бабушки, которые гадали, ворожили, от болезней заговаривали?

Руднев уставился на Еву, как на умалишенную.

– Тебе что, ворожка нужна? Жениха увели? Или в девках засиделась?

– Похоже на то, – притворно смутилась она.

– Тут я тебе не помощник. Про ведьмаков только в сказках читал, и то давно было.

Скрывая глубокое разочарование, Ева попрощалась со стариком. Он привстал, крикнул вдогонку:

– А пенсию-то мне добавят?

Она, не оборачиваясь, махнула рукой – понимай, мол, как хочешь. Ускорила шаг. Ей нужно было еще успеть в школу, где учился Гордей Руднев.

Несмотря на субботний день, в школе проводили консультации по предстоящим экзаменам, мыли окна, убирали пустые классы. Несколько учителей, которых ей удалось застать, Руднева не знали. Сколько лет прошло... Вопрос о колдунах привел педагогов в изумление. Проживали в Абрамцево доморощенные экстрасенсы и народные целители, как и везде. Только кто же их всерьез принимает?

Из школы, совсем поникшая, Ева отправилась разыскивать улицу, где до переезда в Москву жили Рудневы. Дом был деревянный, на двух хозяев. Половина Екатерины Максимовны сразу бросилась в глаза заколоченными ставнями, травой по пояс во дворе. А в другой половине, как говорил Смирнов, жила одинокая женщина-пенсионерка.

Она увидела Еву через окно, вышла на крыльцо и крикнула:

– Катя к сыну уехала! А вы кто ей будете?

– Я дом купить хочу, – солгала Ева. – На вашей улице никто не продает?

Пенсионерка обрадовалась: хоть с кем-то удастся поговорить. Телевизор да радио – плохие собеседники.

– Заходите ко мне! – радушно пригласила она. – Я вас чаем угощу.

Она накрыла стол в просторной комнате с деревянными стенами. В углу белела печка. Диван с множеством вышитых подушечек соседствовал с самодельным

буфетом, за стеклами виднелась гжельская посуда. Пахло лавандой и лампадным маслом.

Ева хвалила чай. Хозяйка улыбалась, потчевала гостью крыжовенным вареньем, пирожками.

- Из печки-то они совсем другого вкуса!

Слово за слово, заговорили о Рудневых.

- Катя со своим мужем не ужилась. Пил он, ругался, денег не давал - пришлось разойтись. Он к своей матери подался, а она тут осталась. Сын у них вырос хороший, толковый парнишка. Отца, правда, недолюбливал. Так тот и не заслужил любви-то!

Соседка говорила много, но все это уже было Еве известно.

- Если дом покупать, так у хорошего человека, - сказала она. - Руднева вам нравится?

- Мы рядом, почитай, двадцать лет прожили и ни разу не поскандалили. С Иваном у них ссоры случались, чуть ли не до драки. Но он, когда напьется, будто с цепи срывается. Трезвый - смирный, а пьяный - дурной! Нет, я на Катю пожаловаться не могу. Славная она баба... только замкнутая очень, вся в себе. Мы, бывало, вот так на стол соберем - чайку, оладушек, наливочки вишневой, она выпьет и молчит, молчит. Будто сама себе в душу глядит. Я болтаю без умолку, а Катя только кивает. Ой, а разве она дом надумала продавать?

- Мне ваш адрес дали в агентстве, - неопределенно ответила Ева.

Пожилая дама не поняла, что к чему, но виду не подала. Негоже выдавать свое невежество.

- Еще чайку? - предложила она.

Ева поблагодарила и отказалась.

– Меня друзья ждут. Они на машине. Если опоздаю к назначенному времени, уедут без меня. Придется электричкой добираться.

Вопроса о колдунах Ева, наученная горьким опытом, решила соседке Рудневых не задавать.

* * *

Гордей Руднев сидел у себя в офисе, изучая бумаги. В раскрытое настежь окно влетал тополиный пух. Кондиционеров Гордей Иванович не любил – воздух от них становился каким-то невкусным: не то что живой, с улицы.

Он третий раз перечитывал документ, не понимая его смысла. Да что за напасть? Руднев отодвинул от себя бумаги, откинулся на спинку кресла и закрыл глаза. Его не покидало предчувствие беды.

– Ну, в чем дело? – спрашивал он у кого-то невидимого, кто должен был в совершенстве знать положение вещей. – Что меня гложет?

Угрозы по телефону и зловещие розыгрыши прекратились, но это не принесло желанного успокоения. Скорее напоминало затишье перед бурей. Гордей Иванович и не предполагал, как можно довести людей до грани умопомешательства обыкновенными «страшилками». Жена стала сама не своя, мать окончательно расхворалась. У него самого все валилось из рук.

– Не переживайте вы так, Гордей Иванович, – уговаривал его охранник. – Это все расчет на слабые нервы! Побалуются и перестанут. Надоест же им когда-нибудь?

Со времени своего переезда в Москву Руднев не знал более трудных месяцев.

Совсем еще юным пареньком он устроился на работу в «Мосстрой», поступил на заочное обучение в институт, прошел путь от разнорабочего до мастера. Еще до получения диплома решил основать свой строительный бизнес. Получилось. Начинать вместе с опытным подрядчиком, набирался опыта, из кожи вон лез, чтобы выжить в острой конкурентной борьбе, удержаться на рынке строительных услуг. Его фирма «Маркус» вставала на ноги, росла вместе с ним.

Через пару лет он купил себе квартиру в Кузьминках, смог отсылать матери деньги на жизнь, потом... В общем, бизнес у Руднева пошел. Он сумел заработать кое-какой капитал, выстроил в Хотьково дом, предлагал Екатерине Максимовне переехать туда жить, да она отказалась наотрез. Дескать, не привыкла она к таким хоромам и боязно одной, на отшибе, – ни людей знакомых рядом, ни соседей.

Женитьба не входила в планы Руднева. Ссоры родителей, отвратительные сцены скандалов, доходящих до рукоприкладства, отбили у него охоту помышлять о браке. Зачем осложнять себе жизнь? Разве ему плохо одному? Женщина для постели при его деньгах всегда найдется, а связывать себя семейными узами, не зная наверняка, чем это может обернуться, – просто безрассудство.

Ирину он встретил случайно. Гордей Иванович никогда не увлекался женщинами вот так с ходу, с первого взгляда. Ирина поразила его своей особенной, броской красотой, густыми длинными волосами, глазами – бездонными озерами. Молодая и одновременно умудренная каким-то тайным, недоступным ему опытом, она сразила его, покорила сердце убежденного холостяка. Замирая от нахлынувших переживаний, Руднев решился и пригласил Ирину за свой столик. Он хорошо понимал, какую жизнь вела и, возможно, продолжает вести такая девушка – танцовщица, выступающая полураздетой в ночных клубах. Но ему стало вдруг все это неважно... кто она, чем занималась и занимается, что кроется за ее отработанной улыбкой, движениями и манерами, какие «приключения» привели ее на сцену столичных увеселительных заведений. Ему было наплевать! Лишь бы Ирина ответила ему взаимностью.

Вечер и ночь, проведенные вместе с ней, огненной кометой ворвались в его размеренное, отлаженное существование. Это была стихия, которая не спрашивает – захватывает и несет с собой, не разбирая дороги. И в ураганном вихре есть восторг и упоение!

Руднев предполагал, что Ирина может рассказать ему о своем прошлом, и не собирался ни о чем ее спрашивать. Каждые ее день и ночь, с рождения и до той минуты, когда он увидел ее, – принадлежат ей и освящены ею, какими бы они ни были. Они выпали на ее, а значит, теперь и на его долю, и следует принять их вместе с Ириной. Любовь ничего не разбирает, не судит, не делит на части, ни от чего не отрекается!

Через неделю после знакомства с Ириной Гордей Иванович сказал финансовому директору «Маркуса», своему ближайшему другу, что хочет жениться на танцовщице из «Фуэте».

Тот оторопел. Когда к нему вернулся дар речи, он, подозрительно глядя на Руднева, заявил:

– Взять в жены проститутку? Да ты с ума сошел!

Сильнейший удар в челюсть свалил его с ног и лишил двух зубов. В суд на своего шефа и бывшего друга финансовый директор подавать не стал – тихо написал заявление и ушел с фирмы по собственному желанию.

Руднев предвидел, что именно могут и будут говорить за его спиной об Ирине и об их браке, но он знал также, что сможет все это преодолеть. Равнодушие Ирины к его достатку, ее отказ уйти из «Фуэте» и оказаться на полном иждивении супруга ясно показали, что не корысть движет ею. Гордей Иванович не анализировал поступки и слова невесты, ему было все равно, по каким мотивам она приняла его предложение. Главное – она станет его женой, и он сумеет сделать ее счастливой.

Заручившись согласием Ирины, Руднев повез ее знакомиться с будущей свекровью. Та долго, пристально смотрела на избранницу сына.

– Красивая... Ну, как говорится, совет да любовь.

После свадьбы Гордей Иванович ни разу не пожалел о своем выборе. Ирина оказалась прекрасной подругой, нежной, хотя и слегка холодноватой, любовницей и покладистой женой. Она не бросила работу, но перестала выступать в каких-либо двусмысленных шоу, что существенно снизило ее заработок.

– У тебя будет свой счет в банке и своя карточка, – сразу, в первый же день их совместной жизни, сказал Руднев. – Ты – полноправная хозяйка в моем доме и в моем сердце.

Ирина заплакала. Она не ожидала от мужа такого доверия, благородства и великодушия. Рудневы отлично ладили друг с другом, спорные вопросы решали сообща. Ирина осознала, что у нее есть право голоса и к ней прислушиваются.

Когда Гордей Иванович заговорил о ребенке, возражать не стала. Почему бы и нет? Родился здоровенький, красивый мальчик – к обоюдному восторгу супругов. Ирина считала, что быть женщиной – слишком тяжелое испытание, поэтому пол ребенка несказанно ее обрадовал. А Руднев мечтал о сыне, и судьба подарила ему желаемое.

Наверное, безоблачного счастья не бывает. Над безмятежным семейством начали сгущаться тучи. Кто и почему затаил зло на них, Гордей Иванович не знал. Он многократно перебрал в памяти все события своей жизни, которые могли бы навлечь на него чью-либо месть, и не нашел ни одного весомого повода. Конкурененты? Они действовали бы иными, более простыми способами. Личные враги? Таких, по его мнению, Руднев не нажил – в бизнесе старался быть честным: никого не «подставлял», не «кидал», ни на кого несправедливо не «наезжал». Чужих жен не уводил, на чужих женщин не засматривался. До встречи с Ириной у него вообще не было ни одного серьезного романа. Юношеские влюбленности – не в счет, а в более зрелом возрасте его редкие связи с представительницами прекрасного пола сводились к обмену сексуальных услуг на деньги. Родственники? Чем могла его мать, Екатерина Максимовна, работавшая то обыкновенным продавцом, то кассиром в продмаге, будучи дамой незлобивой и скромной, вызвать чью-то ненависть? И почему неизвестный злодей взялся за нее только сейчас? Тетка умерла, двоюродные сестры из Волоколамска на роль телефонных террористок не подходили. Пьяница-отец – тоже. Ирина, ее прошлые знакомые? И эту версию нельзя сбрасывать со счетов.

Самым неприятным было то, что никто не мог предсказать, как злоумышленник поведет себя дальше. Перейдет ли он от слов к действиям?

Руднев долго ломал себе голову, а потом обратился к частному сыщику. Пусть в этой запутанной истории разбирается профессионал. Но и у профессионала возникли затруднения.

Звонок телефона прервал размышления Гордея Ивановича.

– Маме плохо, – срывающимся от волнения голосом сказала Ирина. – Приезжай скорее. По-моему, она...

– Вызови «Скорую»! – не дослушал жену Руднев.

– Уже вызвала, но...

– Я сейчас буду!

Он вскочил, бегом пустился вниз, к машине. Секретарша с недоумением проводила его взглядом. Руднев долетел до дома за полчаса. Екатерина Максимовна лежала на кровати – неестественно бледная, с закрытыми глазами. Ирина вытирала слезы. Врач «Скорой», сидя за столом, что-то писал. Он поднял голову, сочувственно посмотрел на Гордея Ивановича и сказал:

– Наступила остановка сердца и дыхания. Мы сделали все возможное... Я напишу заключение, вызовите потом участкового врача, он даст вам свидетельство о смерти.

У Руднева подкосились ноги. Слова врача доносились до него сквозь пелену тумана и слабости.

– Вам плохо? Сделайте ему укол...

«Вот оно! Первая обещанная смерть», – пронеслось в сознании Руднева, пока медсестра возилась с ним. Ее губы беззвучно шевелились: вернее, он просто перестал слышать.

– Гордей! – Ирина прильнула к нему, обняла.

Когда врачи уехали, Рудневу полегчало. То ли укол подействовал, то ли ощущение близости горячего тела жены.

– Твоя мама была с тобой все эти годы, – говорила она. – А я своей даже толком не помню. Екатерина Максимовна перед смертью звала тебя, очень беспокоилась... наверное, хотела попрощаться.

Гордей Иванович ничего не чувствовал, глядя на заострившийся, незнакомый профиль матери. Она ушла от них навсегда. К этому нужно будет привыкнуть.

- Где Антоша? - спокойно спросил он.

- С Валеком, - ответила Ирина, имея в виду охранника. - Я отправила их погулять.

- Правильно сделала, - кивнул Руднев. - Позвони сыщику.

- Зачем?

- Позвони! - твердо повторил он. - Наш неизвестный враг выполнил свое обещание.

Глава 8

Смирнов выслушал Еву, улыбаясь. Он знал, что поездка в Абрамцево бесполезна, но позволил ей самой убедиться в этом.

- Фома неверующий, - усмехнулся он, наливая ей горячего чая. - Как тебе Иван Руднев, папаша нашего клиента?

- Он выглядит стариком. Ютится в развалюхе, пенсию пропивает. К проблемам сына, похоже, отношения не имеет. Ему не до этого!

- А что колдуны? Много их там проживает?

- Прекрати! - возмутилась Ева. - Лучше поделись своими успехами. Твое материально-рациональное расследование продвигается? Кстати, я побеседовала с соседкой Екатерины Максимовны по дому, она говорит, что Руднева - весьма замкнутая дама, вся в себе. Отчего бы? Надо еще раз встретиться с ней и как следует расспросить.

Смирнов сокрушенно вздохнул.

- Екатерина Максимовна умерла, - сказал он. - Вчера в первой половине дня. Позвонила Ирина Руднева. Ее муж считает смерть матери не случайной.

- Ну, вот! Так я и думала! От чего умерла Руднева? Остановка сердца, паралич дыхания?

Славка кивнул.

- И ты еще будешь отрицать колдовство? - торжествующе воскликнула Ева. - Руднева и Ершова умерли по одной причине! На них навели порчу. Осиновые щепки и гробовые гвозди - не шутки!

- Ева... - поморщился сыщик, - прошу тебя, ради бога! Не выдумывай. Во-первых, в случае с Рудневыми ни щепок, ни гвоздей не было. А во-вторых, обе женщины достигли того возраста, когда обострение застарелых, хронических заболеваний, осложненных сильным стрессом, может привести к летальному исходу. Это мне знакомый врач доступно объяснил.

- Ты и про Ершову его спрашивал?

- Разумеется, нет, дорогая. Я задавал вопросы общего характера. Тем более, никакой связи между Ершовой и Рудневой не существует. Я спрашивал Ирину и Гордея Ивановича: они понятия не имеют о Ершовых, такая фамилия им не знакома. Ершова - швея, портниха-надомница, а покойная Руднева работала в торговле. Одна жила в Москве, другая в Абрамцево.

- Но умерли они одинаково! - не отступала Ева.

- Если проверить статистику, окажется, что не только они умерли от остановки сердца и дыхания. Насколько мне известно, подобные причины - не редкость.

- Так займись этой статистикой. Люди умирают, я не спорю! Но все ли получают незадолго до смерти анонимные письма с угрозами, восковые фигурки, всем ли заранее заказывают катафалки и предупреждают по телефону о «жучках» и паучках?

– Откуда я знаю? – вяло защищался Смирнов. – Наверное, не всем. Хотя мерзкие шутки входят в моду. Не исключено, что это явление набирает обороты.

– А собаки от чего дохнут? Они шуток не понимают, их кладбищенской пылью не испугаешь.

– С собаками еще проще, – разозлился Всеслав. – Им просто не делают вовремя прививок или вакцина попадает некачественная.

– И что ты предлагаешь? Делать бабушкам прививки от чумки?

Сыщик рассмеялся бы, не будь момент столь серьезен. Ева в своем репертуаре: доводит восприятие ситуации до гротеска.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

1

Дюрбе – мавзолей на ханском кладбище.

2

Энтомология – раздел зоологии, изучающий насекомых.

Купить: <https://tellnovel.com/ru/natalya-solnceva/zapozdalaya-mest>

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)